

*«ЕВРОПЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ
ПСИХОАНАЛИЗА»*

*«EUROPEAN JOURNAL OF
PSYCHOANALYSIS»*

(ДЛЯ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И СНГ)

*Спецвыпуск
Часть 3*

Рим-Киев - 2020

УДК 159.964.2

Европейски журнал психоанализа : Спецвыпуск. Часть 3. - 2020. – 54 с.
European Journal of Psychoanalysis

Редакционная коллегия:

Светлана Уварова – ректор Международного института глубинной психологии, PhD (Киев, Украина) - *главный редактор*;

Сержио Бенвенуто – президент Института передовых исследований по психоанализу, I.S.A.P. (Рим, Италия) – *заместитель главного редактора*;

Александр Бреусенко-Кузнецов – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории психоанализа Международного института глубинной психологии;

Виктор Мазин – кандидат философских наук, доцент кафедры междисциплинарных исследований и практик в области искусств факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой теоретического психоанализа Восточно-Европейского института психоанализа

Дарья Дружиненко-Силян – доктор клинической психологии, психолог-исследователь, преподаватель Страсбургского Университета, Магистратуры гуманитарных и социальных наук по психологии Университета Кот-д’Азюр

Джоеле П. Чима – специалист в области клинической психологии в Университете Габриэле д’Аннунцио Кьети и Пескара

Кристиана Чимино – доктор медицины, психиатр, психоаналитик, ассоциированный член Итальянского психоаналитического общества (IPA), член Института перспективных исследований в области психоанализа (ISAP)

Мэтью Ойер – доцент кафедры психологии Школы медицины Икана Медицинского центра Маунт-Синай

Татьяна Висковатова – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры дифференциальной и специальной психологии Одесского национального университета имени И.И.Мечникова, академик Украинской академии наук, действительный член Европейской академии естествознания (Эдинбург, Шотландия), действительный член Международной академии естествознания (Глэй-Изенбург, Германия)

Фернандо Кастриллон – доктор психологии, магистр социологии, профессор Калифорнийского института интегральных исследований (CIIS) и Психоаналитического института Северной Калифорнии (PINC), преподаватель Лакановской школы психоанализа (LSP)

Ханнес Нюкянен – адъюнкт-профессор (доцент) Академии Або, старший научный сотрудник кафедры философии, истории, культуры и искусствознания Хельсинкского университета

Адрес украинского представительства: 02115 г. Киев, ул. Лаврская, 16

E-mail: ejp_editor@ukr.net

Материалы выпуска размещены в переводе. Ответственность за достоверность фактов, имен собственных, цитат, цифр несут авторы публикаций. При использовании научных идей и материалов этого выпуска ссылки на авторов и издание являются обязательными.

СОДЕРЖАНИЕ

ШАЙ МОХАН	НЕЯСНЫЙ ОПЫТ	5
ЭВАН МАЛАТЕР	ЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ОКОНЧАНИЯ ZOOM СЕССИИ КАК МЕТАФОРА УЖАСА НЫНЕШНЕЙ СИТУАЦИИ	11
ЮЛИЯ КРИСТЕВА	ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗАНОВО ОТКРЫВАЕТ ДЛЯ СЕБЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО, ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ И СМЕРТНОСТЬ	17
ЖАН-ЛЮК НАНСИ	КОММУНОВИРУС	22
ХАВЬЕР БОЛАНЬОС, ХУЛЬЕТА ЛУСЕРО, ФЛОРЕНЦИЯ БЕРНТАЛЬ РАЗ	ПАНДЕМИЗИРОВАННЫЙ МИР: ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ СОБСТВЕННОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ КАК ВИДА	25
ДИВЬЯ ДВИВЕДИ	БЕГСТВО БЕЗ ПУНКТА НАЗНАЧЕНИЯ	32
ЖУЖА БАРОШ	АГАМБЕН, ВИРУС И БИОПОЛИТИКА: ОТВЕТНЫЙ ХОД	39

CONTENT

SHAJ MOHAN	<i>THE OBSCURE EXPERIENCE</i>	5
EVAN MALATER	<i>THE LOGICAL TIME OF ENDING A ZOOM SESSION AS A METAPHOR FOR THE TERROR OF THE CURRENT SITUATION</i>	11
JULIA KRISTEVA	<i>HUMANITY IS REDISCOVERING EXISTENTIAL SOLITUDE, THE MEANING OF LIMITS, AND MORTALITY</i>	17
JEAN-LUC NANCY	<i>COMMUNOVIRUS</i>	22
JAVIER BOLAÑOS, JULIETA LUCERO, FLORENCIA BERNTHAL RAZ	<i>A PANDEMIZED WORLD: THE HUMAN BEING IN THE FACE OF ITS OWN EXCLUSION AS A SPECIES</i>	27
DIVYA DWIVEDI	<i>A FLIGHT INDESTINATE</i>	32
ZSUZSA BAROSS	<i>AGAMBEN, THE VIRUS, AND THE BIOPOLITICAL: A RIPOSTE</i>	39

ШАЙ МОХАН
SHAJ MOHAN

НЕЯСНЫЙ ОПЫТ
THE OBSCURE EXPERIENCE

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/the-obscure-experience/>

Философствуя, мы не можем положить конец психическому расстройству. Оно должно идти своим естественным ходом, и медленное излечение является крайне важным.

Людвиг Витгенштейн

Косвенно мы спрашиваем в этих дискуссиях о пандемии COVID-19¹, существует ли норма для человека. Раньше именно перед философией стояла задача создавать системы, согласно которым устанавливались бы границы, а также давались новые, доселе неизвестные, стандарты действий. Аристотель писал в трактате «Политика»: «Судно длиной в одну пядь не будет вообще судном, равно как и судно длиной в четверть мили; судно, доведенное до определенных размеров, будет плохим для плавания в одном случае из-за малых размеров, в другом – из-за чрезмерных»².

Эти ограничения касаются и природы; существует критический вес, ниже которого из-за проблемы взлета природа должна держать в определенных пределах строение птиц, способных летать. Если у нас есть система, которая определяет диапазоны каждой составляющей, – размах крыльев, вес, прочность тканей – то можно найти их возможные диапазоны по отношению друг к другу. Следуя системе или критике, говоря языком Канта, мы получаем критерии или несколько параметров, которые составляют «норму». Критики используют их, чтобы выносить решения и делать выводы. Так, например, критик поп-музыки, следуя последним критериям, может сказать, что у какой-то определенной поп-песни слишком много аккордовых пассажей.

¹ См.: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/>

² Aristotle, *Politics*, Book 7, 1326b1.

В том же тексте Аристотель установил критерии для городов, особенно в плане идеального расстояния между хорошо управляемым городом и морем. Судя по всему, чем дальше море, тем лучше. Даже сегодня угроза со стороны моря исходит от незнакомых, непонятных чужаков, беженцев и дегенератов. По этим самым причинам, вызывающим отвращение у большинства из нас сегодня, критерии греческого картеля с конституцией, управляемой несколькими мужчинами и исключаящей женщин и рабов из своей демократии, не могут быть нашими критериями политики.

Под широким употреблением терминов «естественный» и «нормальный» мы предполагаем, что природа представляет собой совокупность норм. Общим принципом этой вводящей в заблуждение мысли является *conatus*³ Спинозы – стремление всех существ сохранить себя в своем бытии. Однако, если каждая вещь имеет в себе стремление (насколько это возможно), то оно заключается в том, чтобы достаточно долго продлевать себя в «среде обитания», чтобы наслаждаться тем, чтобы быть другим в себе самом, и быть где-нибудь в другом месте. Эти изменения различаются по своей темпоральности в разных биологических системах и внутри каждой из них. В нашем организме большинство клеток обновляются за несколько недель, приобретаются иммунитеты и происходят мутации. Гомеостаз относится к относительно стабильной видовой характеристике, в то время как видообразование заменяет предыдущий набор способностей на новый набор. Дарвин изучал соотношение внешней и внутренней среды живых форм; мы понимаем это как взаимную корректировку внутренних и внешних форм. Природу вряд ли можно назвать нормальной. То есть форма в живой форме – это не форма Платона, а что-то похожее на клинч борцов, который кажется неотличимым от крепких объятий.

Существо, которое бросает нам вызов, вирус, находится где-то между нашими представлениями о живом и неживом. Гвидо Понтекорво, генетик, родившийся в Пизе, в 1948 году сделал определенные прогнозы относительно вирусных пандемий, предположив, что две невирулентные формы вирусов, заражающие один и тот же организм, могут создать новую форму, которая затем

³ *Конатус* – термин, использовавшийся в ранних философских концепциях психологии и метафизики, предполагающий «врождённую» склонность «вещи» к продолжению существования и самосовершенствованию. В качестве «вещи» может выступать разум, материя или то и другое сразу (прим. переводчика).

приведет к пандемии того типа, который мы переживаем. Но идея, лежащая в основе этого прогноза, заключалась в том, что вирусы размножаются половым путем, что нарушает нашу самую привычную и известную «норму» жизни. «Нормализованная» концепция полового размножения предполагает наличие специальных органов для обмена генетическим материалом. Но на самом деле любой механизм, посредством которого происходит генетическая рекомбинация, является половым размножением⁴.

Мы, особенно в последние годы, приписываем нормы себе и тому, что называется природой. У этих приписываний есть общий принцип, – гипофизика – в соответствии с которым природа должна совпадать с благом; вещь является благом, когда она близка к своей природе, и является злом, когда она отклоняется от этой природы. Здесь легко узнаваемо морализирование земной системы и животных. Нормы были установлены и для человека. Например, «нормальные условия жизни» представляются как естественные для человека, и к каждому отклонению от которых относятся подозрительно. Для Ганди этой нормой была идиллическая жизнь богатого человека из высшей касты в индийской деревне. Для Джорджо Агамбена норма – это «нормальные условия», окруженные культурой в идиллическом городе, где церкви продолжают предписывать образ жизни⁵. Мы знаем, что это всегда были условия жизни привилегированного меньшинства, которые стали культурными нормами; что большинству нужно было отрицать эти самые нормы, чтобы другие могли их достичь; и что «буржуазные мыслители» теоретизируют, чтобы сохранить свое собственное бытие.

В этой череде мыслителей выделяется Пьер Кластр, поскольку у него тоже была норма, хотя и не из его собственной среды, а из того, что он назвал «первобытным обществом». Отклонение от нормы в первобытном обществе приводит к появлению «государства», и это тот самый момент, когда человек обесприродневается, лишается природы. Кластр пытался найти археологию государства в первобытных обществах. Но все, что он смог обнаружить, это то, что когда что-то, например, металлический топор, приходит в

⁴ См.: “Origin of Sex”, *Journal of Theoretical Biology*, Volume 110, Issue 3, 7 October 1984, pp. 323-351.

⁵ См.: Giorgio Agamben on coronavirus: “The enemy is not outside, it is within us” <http://bookhaven.stanford.edu/2020/03/giorgio-agamben-on-coronavirus-the-enemy-is-not-outside-it-is-within-us/>

первобытное общество извне (современный мир), их *sonatus* разрушается. Нужно увидеть в его собственных словах совершенную картину человеческой нормы, или *sonatus*: «Первобытное общество – это общество, от которого ничего не ускользает, которое не допускает выхода чего-либо за свои пределы, потому что все выходы закрыты. Следовательно, это общество обязано вечно воспроизводить себя, чтобы ничего существенного не могло измениться со временем»⁶.

Давайте назовем теории всех этих предложенных норм идиллическими априори, следуя примеру Фуко. Идиллическое априори является производным от гипофизики; то есть момент в истории немногих интерпретируется как естественный способ существования, потому что он обозначает «нормальные условия жизни». За многими феноменами «биополитики» лежат их соответствующие примеры идиллического априори.

Задача установления норм принадлежала метафизике до прошлого века. Метафизика устанавливала эти нормы, принимая «бытие» в качестве фундаментального дифференцируемого. В дифференцируемых «языках программирования» мы находим разницу между «языками ассемблера» и «компилируемыми языками». Дифференцированные не состоят из дифференцируемого; то есть мы не говорим, что «функция – это линейное уравнение». В метафизике эти операции создали ряд различий, таких как разница между Идеей и вещами, Богом и созданиями и т.д. В этих парах первый член – высшее существо, которое затем обосновывает нормы для человека. Хайдеггер произвел необыкновенное новое разделение между бытием и сущим, в котором нет дифференцируемого, и назвал это онтико-онтологическим различием. Это странное различие – если оно имеет смысл, то он непонятен – привело метафизику к точке приостановки. Жан-Люк Нанси довел эту агонию до конца, когда написал «существование предшествует и наследует само себя»⁷.

Эти соображения, образующие свой собственный ряд, показывают нам, что природа не является естественной, и указывают на то, что всё без исключения происходит не без причины; скорее всё заставляет нас аргументировать и давать объяснение. На самом деле мы знаем, что можем предвидеть ход преемственности и последовательности от одного события к другому или от одного

⁶ *Clastres, P. Society against the State, Tr. Robert Hurley, Zone Books, New York, (Reprint) 2007, p. 212.*

⁷ *См.: Nancy, J-L. Sense of the World, (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997): p. 34*

состояния к другому. Даже эта пандемия ожидалась несколько раз в прошлом. Когда ожидание отвечает своей цели, наступает удовлетворение, например: каждый август мы ожидаем метеоритный дождь Персеиды, и он не разочаровывает нас. Когда ожидание не удовлетворяется опытом, возникает либо удивление, либо разочарование. Несмотря на все ожидания относительно различных бедствий мира, мы исходим из абсолютной уверенности в том, что этот мир сам по себе не самоустранился, что он не разочарует, хотя мы не можем дать этому объяснение, поскольку нет никаких причин и оснований,⁸ почему бы ему не самоустраниться в этот самый момент. Причина подталкивает нас к этому опыту так же, как нас влечет к нему. Логически мы можем приспособиться к этому опыту (который является самым коллективным и даже повседневным опытом нашего человечества), говоря, что конец света не является событием в мире, и, следовательно, не является событием⁹. А пока давайте обозначим его как неясный, непонятный опыт.

В нынешнем случае из этого неясного опыта следует кое-что еще. Как позже обнаружил Витгенштейн, опыт приходит при условии, что он коллективно используется в сообществах на публичном языке. Невозможность записать совершенно личный опыт подразумевает, что человек сам по себе не может понять этот опыт. Аргумент Витгенштейна исключает авторитет всего мистицизма. Вместо этого мы остаемся с этой общей повседневной тайной, которую нельзя закодировать в причину, хотя она окружает причину. Этот обычный опыт – абсолютная уверенность в том, что мир не прекратит своего существования, – не устанавливает никакой нормы, поскольку он неясен. Напротив, он требует, чтобы мы не «играли» в политику таким образом, чтобы она – самый распространенный из всех опытов – не была предана ни идиллическому априори, ни технологическому изобилию.

Пришло время еще раз задуматься о нашем отношении к технологиям, как к биотехнике, так и к вычислительным технологиям, и их возрастающей близости. Некоторые радикальные сдвиги в нашем человечестве начались в XIX веке, когда Земмельвейс с помощью техники мытья рук ввел понятие барьера между нами и

⁸ В ограниченном использовании слова «причина».

⁹ Эта мысль может быть только предложена здесь. Более детально см. “What Carries Us On” in <https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/> and <https://antinomie.it/>

микробами. Позже, благодаря Коху, Пастеру и некоторым другим ученым мы начали самостоятельно контролировать собственную «иммунную систему» и направлять ее в соответствии с нашими интересами, используя вакцины, противовирусные препараты и иммунодепрессанты. Возможное появление нано-машин (атомная инженерия уже стала реальностью¹⁰), которые будут циркулировать в нашей системе кровообращения таким образом, что наша иммунная система полностью экстернализируется, завершат наше новое видообразование.

Мы также являемся видом, который натянул на землю циркуляционную систему. Когда «мы» начали кочевать по земле, почти 50 тысяч лет назад, мы уже тогда начали процессы соединения, взаимосвязи регионов Земли, в результате которых появились шелковые пути и интернет. Существует много примеров, на которых мы видим, что внешняя иммунная система и глобальная циркуляционная система интернета и товаров потребления объединены. Например, те самые лекарства, которые регулируют иммунную систему, производятся в Азии, а затем отправляются в остальные части мира. Биомедицинскими системами можно управлять удаленно через интернет. Вместе мы становимся уникальным и неповторимым организмом нашего собственного производства на земле.

Что же тогда с землей? Хотя это может показаться отвратительной мыслью, «земля» тоже уже вовлечена в эту систему циркуляции, которая началась, по меньшей мере, с сельского хозяйства. Благополучие глобальной системы циркуляции снова пострадает от травм вирусов. Как утверждают Мохаммед и Сандберг, вирулентность как компьютерного, так и органического вируса будет функцией скорости интеграции глобальной системы циркуляции, и они показывают, что вскоре также будет создан и органический вирус¹¹.

Сегодня национализм и различные этноцентричные тенденции препятствуют благополучию глобальной системы циркуляции. Из-за их потенциальных биокибернетических войн сама глобальная циркуляционная система находится под угрозой. В конце концов, компоненты этих более старых порядков мира будут осмыслены

¹⁰ См.: <https://www.nature.com/articles/s41467-019-11349-9>

¹¹ Anish Mohammed and Anders Sandberg “Hybrid Risk: Cyber-Bio Risks” (рабочая статья, которой они любезно поделились).

новым сводом законов. Однако сейчас для нас, разделяющих привычный, но при этом непонятный опыт, пришло время и настал тот самый случай (когда этот грипп переживается в глобальной системе циркуляции) вместе подумать о будущих формах нашего бытия. Таким образом, мы возвращаемся к началу: пока мы, все и всюду, не поймем, что этот мир в равной степени объединяющий всех разделяющих загадочную, но абсолютную уверенность в его постоянстве, и не создадим политические концепции и новые институты, этот корабль может стать либо слишком маленьким, либо слишком большим, чтобы снова отправиться в плавание.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

ЭВАН МАЛАТЕР
EVAN MALATER

**ЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ОКОНЧАНИЯ ZOOM СЕССИИ КАК
МЕТАФОРА УЖАСА НЫНЕШНЕЙ СИТУАЦИИ**

**THE LOGICAL TIME OF ENDING A ZOOM SESSION AS A
METAPHOR FOR THE TERROR OF THE CURRENT SITUATION**

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/the-logical-time-of-ending-a-zoom-session-as-a-metaphor-for-the-terror-of-the-current-situation/>

1) На первой неделе казалось, что мы можем говорить только о том, как можно продолжать говорить. Слово ZOOM повторяли, им делились и его утверждали, как если бы его неоднократное повторение могло само по себе утвердить наше продолжающееся существование и заблокировать реальность того, что должно было произойти.

2) Были проведены ZOOM сессии, и разные вещи были сказаны о них. У многих состоялись групповые ZOOM встречи, чтобы поговорить о том, на что были похожи ZOOM сессии, и что люди говорили на них.

3) К концу второй ZOOM недели я начал замечать, что в конце каждой сессии происходило что-то тревожащее. Чтобы завершить ZOOM сессию вы нажимаете на красную кнопку под названием

«Покинуть конференцию». В ZOOM режиме каждая сессия и каждый разговор – это «конференция». Вы можете продолжать говорить, как это делают многие терапевты, что-то вроде «Мы должны остановиться» в конце сессии, но вы видите, что ваша сессия превратилась в «конференцию», и что она не останавливается, пока не остановить ZOOM.

4) Допустим, вы сказали что-то вроде: «Мы должны остановиться». При обычных обстоятельствах сессия закончилась. Пациент, если он относится к хорошо понимающему границы типу, начнет размеренно двигаться от кушетки к двери, не слишком торопясь и не слишком медленно. В ZOOM режиме никто никуда не идет. Там нет необходимости вставать. Это вызывает тревогу, хотя характер беспокойства вначале лишь слабо заметен, что очень похоже на содержание самых первых ZOOM сессий в ZOOM режиме, на которых многие пациенты с радостью праздновали свою новообретенную свободу от ежедневных поездок и офиса, только постепенно и без предупреждения, в случайные моменты, оказываясь захваченными ужасом ситуации. Часто ужас сразу утихал, и пациенты задавались вопросом «что это было?», так как на самом деле они сидели развалившись в своей спальне в тапочках, получая от своего терапевта эквивалент обслуживания в номере. Характер беспокойства был не тем, что они себе представляли, не крушением или травмой, а медленным смещением, едва уловимой и постепенной дезориентацией.

5) Медленная и постепенная дезориентация пациента здесь служит метафорой для опыта завершения ZOOM сессии, которая сама по себе станет метафорой ужаса нынешней ситуации.

6) Вы говорите: «Давайте остановимся», но остановка не наступает. Каждый сидит даже после того, как вы объявили о завершении. Вы нажимаете кнопку «Покинуть конференцию», думая, что это повлияет на объявленное вами завершение. Тем не менее, ничего не останавливается и никто не уходит. Нажатие на кнопку «Покинуть конференцию» служит только для перехода к новой кнопке, которая предоставляет дополнительные варианты завершения, в том числе «Покинуть конференцию» и «Завершить конференцию для всех участников». Есть третья кнопка с надписью «Отмена», которая может показаться одним из способов ухода или завершения, но служит только для отмены и дальнейшей отсрочки вашего намерения выйти.

7) У Вас не займет много времени понять, что Вам нужно «Завершить конференцию для всех участников». Вы нажимаете на эту кнопку, и встреча действительно заканчивается, оставляя вас с медленно зарождающимся чувством постепенной дезориентации. Я начал ощущать нарастание тошнотворного накопления всех этих завершений ZOOM сессий. Что происходило со мной, что такого в этих завершениях, в этих запинаящихся, «тянущих резину» прощаниях, которые были настолько отвратительными, что стали осуществимы только в начале третьей недели ZOOM режима?

8) Когда я смог подумать об этом, я начал понимать, что было неправильно. Я думал об этом, пока не смог превратить это в метафору. В первую и вторую недели ZOOM режима было очень мало метафор. Все было слишком реально, и не было никакого ощущения, что это может быть связано с чем угодно, кроме этого глупого, самоприсутствующего «Я». Дистанции не было. В таких условиях люди нажимают кнопки для завершения, оставаясь сидеть на месте, не в силах уйти или сформулировать происходящее. На третьей неделе я снова смог думать, и тем, о чем я думал, было это тошнотворное ощущение в отношении завершения ZOOM конференции.

9) Жак Лакан говорил о двух смертях Антигоны: символической смерти и Реальной смерти. Первой смертью стала ее сепарация от социальной связи в результате ее акта верности брату, что привело к ее изгнанию и ссылке. С этой мыслью я начал думать о завершении ZOOM конференции как о Двух Прощаниях. Два Прощания похожи на две смерти Антигоны, лишённые всего их мифологического величия. Два Прощания никогда не сравнятся с поэтическим потенциалом Двух Смертей Антигоны, но именно их нехватка величия определяет природу их глубокого эффекта.

10) Первое прощание в ZOOM – это нажатие кнопки «Покинуть конференцию». В это время человек, которого вы покидаете, сидящий без дела, не имеющий ни кнопки, чтобы нажать, ни места, куда уйти, может принять только то, что кажется нормальной манерой прощания, в сочетании с типично подобранным прощальным выражением лица, в одних случаях с мягкой и приятной улыбкой, в других – помахиванием пальцами перед камерой. Ужас, который, как мы видели, поначалу является слабым и едва заметным, ощущается в моментах после нажатия кнопки «Покинуть конференцию», которую я теперь буду называть Первым Прощанием.

В этот момент человек остается на экране, со своим прощальным выражением лица застывшим на его лице, пока Вы переходите к кнопке «Завершить конференцию для всех участников», также известную мне как Второе Прощание.

11) В этом есть глубокая асимметрия, поскольку другой человек пытается вести себя, как при нормальном прощании, в то время как Вы вынуждены совершить серию из двух ZOOM прощаний. Облегчение, смешанное с чувством вины, наступает, когда Вы, наконец, нажимаете вторую кнопку, и человек на экране, вместе с его неловко застывшим прощающимся выражением лица, покидает экран. Остается смутное ощущение того, что ты убил кого-то или, по крайней мере, чье-то лицо, но способом, лишенным величия настоящего убийства, пока к концу каждого дня не оголяется отпечаток множества убитых лиц, некоторых с обаятельной улыбкой, некоторых без.

12) Можно утверждать, что в данном случае существует три, а не два прощания. В этой схеме терапевт, произносящий «мы должны остановиться», выступает в качестве первого из трех прощаний. Я против этой схемы, потому что я хочу говорить о двух прощаниях, проводя параллели с дискуссией о двух смертях Антигоны: одной символической и одной реальной. В то же время существует святая правда в отказе даже предоставить этой формулировке статус первого прощания. Формулировка «мы должны остановиться» не получает никакого символического признания, но это не произвольное решение с моей стороны; оно, скорее, имитирует структуру завершения в ZOOM режиме. ZOOM режим, безусловно, не накажет вас за вашу попытку завершить с помощью формулировки, как вы это делали в былые времена. Он не похвалит и не накажет; он ничего не сделает. В то время, когда самым большим призывом является оставаться дома и ничего не делать, ничего не покупать и никуда не ходить, ZOOM фактически ничего не делает в ответ на нашу формулировку. Более того, он ничего не делает с безразличием, которое можно назвать абсолютным, если бы в режиме ZOOM было что-то, что можно назвать абсолютным, чего, как мы видели, нет.

13) Остается обосновать, что это описание Двух может служить метафорой ужаса нынешней ситуации. Для сравнения, рассмотрите ставки в самостоятельно выбранном предательстве символического Антигоной, совершенное ее изменой закону нации, храня преданность связи с братом. Нет сомнений в том, что это ставки ее

действия, и действие это отображает важность символического акта, который отрывает ее от ткани социального символического. В ZOOM режиме вместо этого существует ряд потенциальных прощаний, которые перекрывают действие обычного, предваряющего ZOOM, прощания. Конечно, на карту поставлено множество реальных смертей наряду с этими комически неудачными попытками завершить сессию или Конференцию с некоторой степенью серьезности или сохранив достоинство. Как это ни парадоксально, серьезность и величие текущего момента, наряду с ужасом, кажется, заключаются именно в этих движениях, которым, в их технологической неэффективности, не хватает какой-либо очевидной символической силы или значимости.

14) Соответственно, те пациенты, которые, в буквальном смысле, выжидают в засаде, ничего не делая, скорбят, не будучи в состоянии скорбеть должным образом, [ощущая] что-то, что в противном случае считалось бы проклятием их существования: бесконечную необходимость кормить капиталистическое суперэго, которое мечется между требованиями производить и быть продуктивным и требованиями наслаждаться. Теперь им говорят не делать ни того, ни другого, остановиться и прекратить. Суперэго связано и определяется отрицанием: тем, чего не делать, чего не трогать и куда не ходить.

15) Кажется, многими это воспринимается как разновидность регрессии: первоначальный, едва сдерживаемый восторг от побега от капиталистических императивов производства и наслаждения превращается в отмежеванное и диссоциированное осознание постоянной серии прощаний, которые приходят, не прекращаясь, хотя, на самом деле, кажется, никогда не придут. Застывшая улыбка, говорящая, что все хорошо или, по крайней мере, отчасти неплохо, наклеивается на всех и обозначает нескончаемую энергию, затрачиваемую на поддержание видимости бодрого терпения и выдержки во время медленно разгорающейся травмы, когда само время приостановлено. Движение в направлении любого будущего приостановлено, неизвестно и ненадежно.

16) Само время приостановлено, и мы вряд ли можем отметить наши завершения, не отметив при этом и смещенную дезориентацию, сопровождающую теперь любое прощание. Ужас и любезная комическая манера Двух Прощаний – это то, что обозначает течение времени. Время становится повторением Двух Прощаний, снова и

снова, двух прощаний, которым предшествует сформулированное прощание, которое больше не заслуживает статуса символического признания, но все же, должно быть сказано.

17) То, что мы слышим снова и снова, это насколько они измучены. Пациенты изнурены, и терапевты изнурены тоже. К третьей неделе терапевтам по всему миру было позволено без стыда признать, что сессии в ZOOM режиме изматывают. Пациент и терапевт разделяют изнеможение, передают его друг другу с начала до момента Двух Прощаний, когда они «Завершают конференцию для всех участников». Они ждут несколько дней, а потом делают это заново.

18) Спустя большой промежуток времени нечего сказать, кроме того, что присутствует усталость, сон, нехватка мотивации. Нечего сказать о времени, которое имеет такую странную приостановку времени, которому не хватает динамики или движения; все во власти времени, требующего конца движения, от настоящего момента до невысказанного будущего. У певицы Дуа Липа вышел новый альбом под названием «Future Nostalgia» («Ностальгия будущего»). Люди испытывают ностальгию по будущему, которое пока невысказано. Больше всего они ностальгируют о способности думать о том времени или о любом другом времени, кроме нынешнего времени, Времени между Двумя Прощаниями.

19) Когда они переходят к ностальгии по будущему, они задают простой вопрос, всегда один и тот же, сформулированный в различных формах, которые все сводятся к следующему:

20) Как вы думаете, когда это закончится?

Перевод с английского: Александр Рыбец

**ИНТЕРВЬЮ СТЕФАНО МОНТЕФИОРИ С ЮЛИЕЙ
КРИСТЕВОЙ ДЛЯ ИЗДАНИЯ «CORRIERE DELLA SERA»,
29 МАРТА 2020Г.**

**INTERVIEW WITH JULIA KRISTEVA FOR CORRIERE DELLA
SERA, MARCH 29, 2020**

**«ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗАНОВО ОТКРЫВАЕТ ДЛЯ СЕБЯ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО, ЗНАЧЕНИЕ
ПРЕДЕЛОВ И СМЕРТНОСТЬ»**

**«HUMANITY IS REDISCOVERING EXISTENTIAL SOLITUDE,
THE MEANING OF LIMITS, AND MORTALITY»**

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/humanity-is-rediscovering-existential-solitude-the-meaning-of-limits-and-mortality/>

Французский психоаналитик и философ болгарского происхождения Юлия Кристева определяет себя как европейца, несмотря на то, что понимает, что Европа терпит неудачу во всем, особенно в сфере здравоохранения. Она объясняет, что виральность (вирусность), начав с метафоры, стала воплощением в нашей жизни. И тем не менее, из этого можно извлечь три урока: 1) технология только усилила радикальное экзистенциальное одиночество; 2) мы должны вновь обрести чувство предела; 3) мы вытеснили из сознания свою смертность. Но мы можем начать заново: уязвимость сделает нас всех сильнее и выносливее.

«Мы остались в Париже, но многие люди из нашего района уехали, чтобы провести эти дни изоляции в других местах. Итак, в 8 часов вечера, когда с балконов доносятся аплодисменты врачам и медсестрам, я и мой муж (философ Филипп Соллерс) стучим по кастрюлям и сковородкам, чтобы создать дополнительный шум», – объясняет по телефону Юлия Кристева, известная европейская интеллигентка (она считает себя европейцем: болгаркой по происхождению, удочеренной Францией), которая недавно опубликовала новую книгу о Достоевском, а в культурном вестнике

«La Lettura»¹² пытается поразмыслить о личности и обществе во время эпидемии.

Наряду со вспышками солидарности и моментами общения с балконов социальная изоляция также начала провоцировать ревность и агрессию. Ненависть выражается в отношении тех, кому удалось добраться до своих дач, или тех, кто подозревается в том, что они слишком много бегают трусцой. Коронавирус ставит под угрозу социальные отношения?

Любопытно, что [до пандемии] слово «вирусный» использовалось часто и уже довольно долго. «Вирусные» реакции уже были частью нашей гипер-взаимосвязанной экономической и политической реальности. Все, что происходит посредством заражения, осадения, потом, после блестящего начала, связанного с удовольствием, завершается смертельным взрывом. «Виральность» – это часть нашей среды, где социальные сети, например, превозносят себя только для того, чтобы подвергнуть грубому обращению и разрушить. В поведении, о котором Вы говорите, есть что-то вирусное, но мы уже видели это в действии и раньше: в случае жёлтых жилетов, движении, которое призывало людей к протестам, но и разрушало, посредством черного блока, грабящего улицы Парижа. Акселерация нашей цивилизации уже перешла в вирусную стадию, и сегодня эта метафора переполняет нас и входит в реальное, потому что она является как внутренней, так и внешней угрозой: возможно, у нас нет достаточно сильной иммунной защиты, и поэтому опасность кроется и внутри нас. У некоторых есть вирус, а они, возможно, даже не знают об этом, и они выживут, а другие умрут. Это позволяет нам задаться вопросом о мире, в котором мы живем, о его недостатках и о том, о чем мы не можем даже подумать. Начиная с Европы.

Как Вы оцениваете роль Европы на данном этапе?

Я европеец, и в своей недавно изданной книге о Достоевском я ищу европейское и современное измерение. Я вижу Европу повсюду и хочу поддержать ее, хотя она преодолевает много трудностей и в данный момент пребывает в хаосе. Но вирус показал, что эта Европа

¹² http://www.kristeva.fr/corriere-della-sera-29-03-2020_en.html?fbclid=IwAR0gzIXk8qyC84NTRkoCHsf-9zbjvKJSWrL8Go76eY5jOFNs3IP4XzII9ow#_ftn1

– это не только рынок без четкого политического видения, без защитных механизмов, неспособный переосмыслить нашу великую общую культуру, но эта Европа демонстрирует также абсолютно пугающую недееспособность сферы здравоохранения. Потребность в медицинском оборудовании была сильно недооценена как в Италии, так и во Франции, и мне кажется, что это отказ от мысли о хрупкости человеческого вида. И это может завести нас в плоскость индивидуального поведения. От метафоры вирусного мы переходим к реальности вирусного, к тому, что эпидемия раскрывает об индивидууме, о сегодняшнем глобализированном человеке.

Каковы характерные черты этого глобализированного человека?

Я вижу три таких черты: уединение, переживаемое как одиночество, нетерпимость к ограничениям и вытеснение смертности.

Как проявляется одиночество?

Я поражена нашей современной неспособностью быть одинокими. Вся эта возбужденность и восторг по поводу гиперсвязанности заставляет нас жить в изоляции перед экранами. Это не уничтожило одиночества, но уютно расположило его в социальных сетях, сжало в сообщениях и данных. Люди, уже опустошенные одиночеством, сегодня оказываются в одиночестве, потому что, несмотря на то, что у них есть слова, знаки, иконки, они утратили плоть, тело слов, ощущений, совместного общения, чуткости, чувства долга по отношению к другому, заботы о других. Мы отдаем тело слов в качестве жертвоприношения вирусу и болезни, но мы уже были сиротами в этом человеческом измерении, которое является общей страстью.

Получается, что карантин показывает состояние, которое уже присутствовало?

Да. Внезапно мы понимаем, что мы одиноки, и что мы потеряли связь с нашим внутренним ядром. Мы – рабы экранов, которые вовсе не отменили одиночество, а только поглотили его. Именно отсюда исходят современная тревога и гнев.

Вы – психоаналитик. Вы по-прежнему проводите сессии в эти дни?

Да, и теперь я позволю себе проповедовать для собственного прихода, как говорится. Я боялась, что мои пациенты не захотят продолжать, а вместо этого получилось наоборот. Во время наших сессий телефонной изоляции, как я их называю, даже без физического присутствия аналитика, мы звоним друг другу, оставляем телефон открытым, ложимся и продолжаем сессию, и наступают моменты архаичного коллапса: вновь появляется рак чьей-то матери, брошенность, от которой кто-то страдал в детстве, тяготы и невзгоды дочери. То, о чем мы не могли говорить раньше, теперь сталкивается с вовлеченностью и стремлением, как будто опасность заставила нас изгнать нашу глубочайшую боль. В эти дни по телефону нам удастся прикоснуться к чему-то «ядерному»: рушатся определенные защитные механизмы, мы обнажаемся с новой искренностью.

Почему это происходит именно сейчас?

Потому что эпидемия заставляет нас противостоять двум другим проблемам, о которых я упоминала ранее, помимо вопроса одиночества: пределы и смертность. Нынешняя ситуация заставляет нас осознать, что жизнь – это непрерывное выживание, потому что существуют пределы, обязательства, факторы уязвимости – измерения жизни, которые в некоторой степени присутствуют во всех религиях, но которые нынешний гуманизм стремится стереть. Точно так же мы склонны отгонять от себя вопрос смертности, самый большой предел, который существует, и который является частью природы и жизни.

Является ли вытеснение смертности недавним явлением?

Со времен Ренессанса мы рассматривали смертность как вопрос религии. Заботиться об этом должны были священники. Мы находим этот вопрос у философов, у Гегеля и Хайдеггера, но смертность отсутствует в общем, популярном, медийном дискурсе. Мы предпочитаем забыть об этом. Мы можем заботиться о пожилых людях, но мы не противостояем тому факту, что смерть находится внутри нас, в апоптозе, который является непрерывным процессом смерти и регенерации клеток, даже в тот самый момент, когда я говорю с вами. Этот новый вирус заставляет нас признать тот факт, что смерть играет неотъемлемую роль в процессе жизни. Искусство и литература, я думаю, например, о Прусте и Батайле, размышляли на эти темы: сам процесс написания представляет собой конфронтацию

со смертью, но наиболее распространенное, медийное, сенсуалистское отношение к человеку обычно избегает этого измерения.

Как Вы думаете, эпидемия изменит наш взгляд на вещи?

Она может повлиять на наши семейные отношения между родителями и детьми, побудить нас переосмыслить культ потребительства, одержимость путешествиями, политическую лихорадку, навеянную лозунгами типа «больше работай, чтобы больше зарабатывать», конкурентоспособность, выставленную напоказ в качестве помпезности и блеска. Я предлагаю не культ меланхолии, а переоценку жизни в целом, начиная с уязвимости каждого в отношении удовольствия и сексуальности.

Что вы имеете в виду под культом меланхолии, которого следует избегать?

Я не предлагаю оказаться заключенными в плен конечности бытия и наших пределов, а лишь продолжать отдавать себе отчет о них, рассматривая смертность как часть жизни. В каждой религии есть аспект очищения: одному нужно совершить омовение, другому нельзя прикасаться к чему-то, существуют запреты. Это суеверия, они становятся навязчивыми культурами, но нам по-прежнему следует принимать во внимание эту традицию, критиковать ее, переосмысливать ее, но при этом сохранять чувство предосторожности, заботы о других и их слабостях, осознание конечности жизни. Мы можем стать более осмотрительными, возможно, более заботливыми и тем самым более выносливыми, более стойкими. Жизнь – это постоянное выживание. Мы все выжили, давайте помнить об этом. Это вопрос поведения, личной этики.

И в завершение, Вы оптимист?

Я бы сказала, энергичный пессимист. Мне кажется, что я пережила три войны: я была ребенком во время Второй мировой войны, затем была «холодная война» и мое изгнание, пусть и показное, а теперь вирусная война. Возможно, это подготовило меня к разговору о выживании. Мы готовы к новому умению жить, которое будет не трагичным, а скорее сложным и требовательным.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

ЖАН-ЛЮК НАНСИ
JEAN-LUC NANCY

КОММУНОВИРУС¹³
COMMUNOVIRUS

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/communovirus-english-and-french-text/>

Мой друг из Индии рассказывает мне, что дома они говорят о «коммуновирусе». Как мы могли не додуматься до этого? Это же так очевидно! И какая замечательная и совершенная амбивалентность: вирус, происходящий от коммунизма, вирус, который нас коммунизирует. Это гораздо более изобретательно, чем смехотворная «корона», которая вызывает в памяти старые монархические или имперские истории. А «коммуно» подходит, чтобы свергнуть «корону», если вообще не обезглавить ее.

Это то, что он, кажется, делает исходя из своего первого значения, поскольку он происходит из самой большой страны в мире, где режим официально коммунистический. Это не просто официально так: как сказал президент Си Цзиньпин, управление вирусной эпидемией демонстрирует превосходство «социалистической системы с китайскими характеристиками». Хотя коммунизм в основном заключается в упразднении частной собственности, китайский коммунизм уже много лет состоит из тщательного сочетания коллективной (или государственной) собственности и частной собственности (кроме земельной собственности)¹⁴.

Как мы знаем, это сочетание привело к значительному росту экономических и технических возможностей Китая и его глобальной роли. Пока еще слишком рано понимать, как определить общество, созданное таким сочетанием: в каком смысле оно является коммунистическим, и в каком смысле оно внедрило вирус

¹³ Опубликовано на французском языке в газете «Libération» 24 марта 2020 года: https://www.liberation.fr/debats/2020/03/24/communovirus_1782922

¹⁴ Опубликованный текст имеет здесь «индивидуальную собственность», что кажется случайным с точки зрения использования автором термина ниже [примечание Дэвида Фернбаха].

индивидуальной конкуренции, даже его ультралиберальный предел? В настоящее время вирус Covid-19 позволил Китаю продемонстрировать эффективность коллективного и государственного аспекта его системы. Эта эффективность зарекомендовала себя до такой степени, что Китай сейчас приходит на помощь Италии и Франции.

Конечно, нет недостатка в комментариях об усилении авторитарной власти, которой китайское государство наслаждается в настоящее время. На самом деле, вирус появился как будто в нужное время, чтобы укрепить официальный коммунизм. Раздражает то, что таким образом значение слова «коммунизм» становится все более размытым – а оно уже было сомнительным.

Маркс очень точно писал, что частная собственность означала исчезновение коллективной собственности, и что обе они будут заменены со временем тем, что он назвал «индивидуальной собственностью». Под этим он не подразумевал товары, принадлежащие индивидуально (т. е. частную собственность), а возможность для отдельных людей стать самими собой. Можно сказать: реализовать себя. У Маркса не было времени или средств для дальнейшего развития этой мысли. Но мы можем, по крайней мере, признать, что это уже открывает убедительную – хотя и весьма неопределенную – перспективу «коммунистического» предложения. «Реализовать себя» не означает приобретения материальных или символических товаров: это значит стать реальным, эффективным, существующим уникальным способом.

Тогда нам нужно остановиться на втором значении «коммуновируса». На самом деле, вирус действительно коммунизирует нас. По сути, он ставит нас на основу равенства, объединяя нас в необходимости выработки общей позиции. То, что это должно включать в себя изоляцию каждого из нас, является просто парадоксальным способом восприятия нашего сообщества. Мы можем быть уникальными только вместе. Это то, что необходимо для нашего самого близкого сообщества: разделяемое чувство нашей уникальности.

Сегодня и во всех отношениях нам напоминают о нашей общности, взаимозависимости и солидарности. Свидетельства и инициативы в этом смысле приходят со всех сторон. Если мы добавим к этому снижение загрязнения воздуха из-за сокращения количества транспорта и промышленности, то некоторые люди уже с

радостью ожидают свержения техно-капитализма. Мы не должны насмехаться над этой хрупкой эйфорией, а скорее спросить себя, насколько лучше мы можем понять природу нашего сообщества.

Солидарность требуется и активизируется в больших масштабах, но в общем в средствах массовой информации преобладают ожидания государственного благосостояния – что, воспользовавшись возможностью, отпраздновал Эммануэль Макрон. Вместо того, чтобы ограничивать себя, мы чувствуем себя ограниченными, в первую очередь, силой, даже если это во имя нашего собственного благополучия. Мы воспринимаем изоляцию как депривацию, даже когда это защита.

В каком-то смысле, это отличная дополнительная, навёрстывающая упущенное сессия: это правда, что мы не одиночные животные. Это правда, что нам нужно встретиться, выпить и сходить в гости. Кроме того, внезапный рост количества телефонных звонков, электронных писем и других социальных потоков свидетельствует о насущной необходимости, страхе потерять связь.

Означает ли это, что у нас больше возможностей, чтобы задуматься об этом сообществе? Проблема в том, что вирус по-прежнему является его основным представителем; что между моделью надзора и моделью благосостояния лишь вирус остается совместной собственностью.

Если это так, мы не добьемся прогресса в понимании того, что может означать выход за рамки как коллективной, так и частной собственности. Другими словами, выход за рамки как собственности в целом, так и того, что она обозначает с точки зрения обладания субъекта объектом. Характеристика «индивида», как говорил Маркс, заключается в том, что он должен быть несопоставимым, несоразмерным и неуподобляющимся, даже себе самому. Это не значит владеть «товарами». Это значит быть уникальным, исключительная возможность реализации, исключительная уникальность которой, по определению, реализуется только между всеми и со всеми – а также против всех или вопреки всем, но всегда в отношениях и обмене (коммуникации). Это «стоимость», которая не является ни одним из общих эквивалентов (деньги), ни, следовательно, одной из вымогательских «прибавочных стоимостей», но является стоимостью, которую никак нельзя измерить.

Способны ли мы мыслить таким сложным и даже головокружительным образом? Хорошо, что «коммуновирус»

заставляет нас задавать себе этот вопрос. Ибо только при этом условии стоит, в конце концов, работать над его устранением. В противном случае мы вернемся в исходную точку. Мы освободимся и вздохнем с облегчением, но должны быть готовы к другим пандемиям.

Перевод с французского: Дэвид Фернбах

Перевод с английского: Александр Рыбец

***ХАВЬЕР БОЛАНЬОС, ХУЛЬЕТА ЛУСЕРО,
ФЛОРЕНЦИЯ БЕРНТАЛЬ РАЗ***

***JAVIER BOLAÑOS, JULIETA LUCERO,
FLORENCIA BERNTHAL RAZ***

***ПАНДЕМИЗИРОВАННЫЙ МИР: ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ
СОБСТВЕННОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ КАК ВИДА***

***A PANDEMIZED WORLD: THE HUMAN BEING IN THE FACE OF
ITS OWN EXCLUSION AS A SPECIES***

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/a-pandemized-world-the-human-being-in-the-face-of-its-own-exclusion-as-a-species/>

Резюме: мы хотели бы определить список важных вопросов относительно времен пандемий. Задаемся вопросом, что осталось от человека, пребывающего перед лицом нынешних экстраординарных событий. Необходимо ли это учитывать? С учетом этого мы заинтересованы в определении того, что есть человеческого в человеке, особенно когда биология угрожает его существованию, и когда человек исключается как вид.

Ключевые слова: Абсолютизм, Биология, Исключение, Человек, Пандемия.

Как психоаналитики, мы считаем важным занять твердую позицию перед лицом этого глобального чрезвычайного происшествия. Кроме того, стремясь выйти за рамки нашей частной практики, мы усовершенствовали некоторые рекомендации, которые,

как мы понимаем, позволяют нам поддерживать как саму аналитическую практику, так и то, что остается от человеческого существа, когда его вид находится под угрозой.

Как можно было бы создать напряжение или трение между элементами, когда один из них совсем не мог бы сопротивляться? Мы наблюдаем, как биологический мир, заставив себя быть услышанным, опустошает себя без размышления.

Сразу возникает вопрос: помещая себя в карантин, мы сохраняем биологию или защищаемся от нее?

Жак Лакан в «Науке и истине» выразил свое недовольство тем, что называлось тогда «Человеком науки».

«Нет такой вещи, как наука о человеке, и это следует понимать... Нет такой вещи, как человек науки, не существует, существует только его субъект.

Мое пожизненная антипатия к названию гуманитарных наук хорошо известна; это поражает меня будто зов рабства»¹⁵.

Впоследствии Лакан ответит на наш вопрос следующим образом: в обоих [случаях] биология ставит человека в рабское положение, независимо от того, мы защищаем [ее] или обороняемся от нее.

В свете текущих событий то, что является человеческим, становится значимым и актуальным, однако остается одиноким, без возможности артикуляции. Следовательно, частица гуманности в нас – это то, что остается. В таком случае, что мы подразумеваем под тем, что называем «Человек»?

Как бы то ни было, ясно одно: сегодня человек является проблемой. Внезапно, на горизонте появляется проблеск света с концепцией, которая, кажется, возникает: солидарность. Солидарность – это способ исцеления человека? Или восстановления его до прежде здорового состояния? Является ли человек чем-то, что исцеляет, или его должны исцелять внешние силы? И, если да, то является ли солидарность единственным способом?

Недавняя обширная статья в «New Yorker» подчеркивает солидарность. Статья, среди прочего, описывает, как однажды ночью доктор из Нью-Йоркского университета (NYU) ведет беседу со своим водителем Uber по дороге на работу. Что бы один делал без другого в этих обстоятельствах? Будучи один, доктор не смог бы выполнить

¹⁵ Lacan, J. (2006) "Science and Truth", *Ecrits: The first complete edition in English* (New York: W.W Norton & Co.)

свой долг; будучи один, водитель Uber не заработал и не принес бы домой ни копейки.

Часто говорят, что солидарность – это человеческий ответ перед лицом натиска какой-то катастрофы. Если бы это было правдой, тогда то, что происходит до, но как это ни парадоксально, оставлено на потом (или никогда), несомненно, будет чем-то, с чем только психоанализ будет справляться.

Тем не менее, существует ряд других конкретных вопросов, которые предстоит изучить. В «Европейском журнале психоанализа», например, Джорджо Агамбен с готовностью говорит об «изобретении эпидемии». Независимо от событий, которые последовали за этим, его заявление является вполне обоснованным: «то, что снова проявляется – это тенденция использовать чрезвычайное положение в качестве нормальной парадигмы для правительства», которая артикулирует «состояние страха, которое в последние годы явно распространилось среди отдельных сознаний» на «ограничения свободы»¹⁶.

Жан-Люк Нанси сразу же отвечает, что «чрезвычайная ситуация действительно становится правилом в мире, где технические взаимосвязи всех видов достигают доселе неизвестной интенсивности, которая растет теми же темпами, что и население». Он называет это «своего рода вирусной чрезвычайной ситуацией – биологической, компьютерной, культурной – и это пандемия».

Он добавляет, что «правительства – это не что иное, как мрачные палачи, и срывать на них – больше похоже на отвлекающий маневр, чем на политическое размышление»¹⁷.

Это напряжение кажется нам необходимым, если мы понимаем, что Жан-Люк Нанси стремится подчеркнуть, что исключение, упомянутое Джорджо Агамбеном, относится не только к человеческому действию, а к тому, что, в конечном итоге, исключает его из рода человеческого.

Кажется, то, что осталось человеку и его рабскому положению перед Гуманитарными Науками, не будет единственной авантюрой для Людей.

Мы заключаем, что только после атак биологической опасности мы проходим становление. Держа в уме то, что Зигмунд Фрейд

¹⁶ *European Journal of Psychoanalysis*: <http://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/>

¹⁷ *Ibid.*

определил как постоянное сопротивление работать с тем, что находится «по ту сторону». В связи с этим, хотя Жак Лакан тщательно исследовал этот вопрос, мы предпочитаем процитировать философа Квентина Мейясу, чтобы указать, что: «(...) против аргументативного насилия разного рода фанатизмов мы должны найти в мышлении немного абсолютного – достаточно, чтобы противостоять тем, кто притязает на то, чтобы быть его исключительными хранителями только лишь благодаря какому-то откровению»¹⁸. Это «немного абсолютного» не исключает самого абсолюта, а, скорее наоборот, оно определяет место для него и, следовательно, по сути, оно может оперировать им. То, что следует подчеркнуть – это не невозможность абсолюта, а его плюрализацию и быстрое распространение: но при условии, что каждый из них каким-то образом задействован в игру, чтобы показать свое существование из-за присутствия абсолюта, что позволяет продолжать поиск. Напротив, иллюзия нахождения абсолюта или тотальности – это тупик.

Чтобы прояснить, мы должны устанавливать немного абсолютного, пытаюсь отыскать свою гуманность при каждом возможном случае, чтобы не быть соучастниками иллюзии тотализации. Математик Георг Кантор проложил путь для таких понятий/идей.

Мы глубоко заинтересованы в возвращении к основам, чтобы работать с той человеческой частью, которая остается только после случайного опустошения. Эта частица состоит из биологической науки и солидарности?

Дабы разобраться с тем, что находится по ту сторону принципа удовольствия или, иначе говоря, с тем, чего не могут достичь ни Бионаука, ни солидарность. Возможно, столкнуться с новыми путями, которые перекроют неизменную надежду найти, раз и навсегда, окончательное решение для мира человечества или невозмутимое хладнокровие для всех. Основы психоанализа учат нас, что точная цель нашей практики состоит не только в том, чтобы защищать речь/артикуляцию, но и в том, когда важно принять молчание.

Перевод с английского: Александр Рыбец

¹⁸ Meillassoux, Q. (2011) *After finitude: An Essay on the Necessity of Contingency* (Great Britain: Continuum).

ИНТЕРВЬЮ ДИОГО БЕРСИТО С АХИЛЛОМ МБЕМБЕ
ДЛЯ ИЗДАНИЯ «GAUCHAZH»,
31 МАРТА 2020 Г.

AN INTERVIEW

ACHILLE MBEMBE, DIOGO BERCI TO

**«ПАНДЕМИЯ ДЕМОКРАТИЗИРУЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ
УБИВАТЬ»**

«THE PANDEMIC DEMOCRATIZES THE POWER TO KILL»

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/the-pandemic-democratizes-the-power-to-kill-an-intyerview/>

Коронавирус меняет способ размышления о человеческом теле. «Его превратили в оружие», – говорит камерунский философ Ахилл Мбембе. Ведь, выходя из дома, мы можем заразиться вирусом или передать его другим. В мире уже зарегистрировано более 783 000 подтвержденных случаев и 37 000 случаев со смертельным исходом. «Теперь все мы обладаем возможностью убивать ... изоляция – это всего лишь одна из форм регулирования этой возможности», – говорит Мбембе.

62-летний Мбембе ввел в обращение термин «некрополитика» в 2003 году. В своей работе Мбембе исследует способ, посредством которого правительства решают, кто будет жить, а кто умрет, а также то, как они будут жить и умирать. Он преподает в Университете Витватерсранда в Йоханнесбурге. В минувшую пятницу (27 марта) Южная Африка подтвердила первые случаи смерти от коронавируса в стране.

Некрополитика также проявляется в том, что вирус не поражает всех одинаково. Идет дискуссия по вопросу о приоритетности лечения для молодежи и о том, чтобы позволить пожилым людям умереть. Есть такие люди, как президент Бразилии Жаир Болсонару, которые настаивают на том, что нельзя останавливать экономику, даже если это означает, что часть населения должна погибнуть, чтобы гарантировать производительность. «Некоторые умрут? Они умрут. Извините, это жизнь», – сказал президент Бразилии.

«Капиталистическая система основана на неравном распределении возможности жить и умирать... Эта логика жертвоприношения всегда лежала в основе неолиберализма, и ее

следует называть некролиберализмом. Эта система всегда функционировала с идеей о том, что одни ценнее других. Те, кто не имеет ценности, являются расходным материалом, ими можно пожертвовать», – объясняет Мбембе.

Каковы Ваши первые впечатления от этой пандемии?

На данный момент я поражен масштабами этого бедствия. Коронавирус – это действительно бедствие, и он влечет за собой ряд неудобных вопросов. Это вирус, который влияет на нашу способность дышать.

И это заставляет правительства и больницы решать, кто продолжит дышать дальше.

Да. Вопрос в том, как найти способ, чтобы каждый человек смог дышать. Это должно быть нашим политическим приоритетом. Я также думаю, что наш страх перед изоляцией в карантине связан со страхом столкнуться лицом к лицу с нашей собственной конечностью. Этот страх связан с проблемой делегирования нашей собственной смерти другим.

Социальная изоляция наделяет нас определенной властью над смертью?

Да, относительной властью. Мы можем избежать смерти или отложить ее. Сдерживание смерти лежит в основе этой спорной политики. Это власть, но это не абсолютная власть, потому что она зависит от других людей.

Изоляция зависит от других?

Да. Другое дело, что многие умершие люди не успели попрощаться. Многие были немедленно кремированы или похоронены без промедления, как если бы они были мусором, от которого нужно избавиться как можно скорее. Эта логика уничтожения возникает именно в тот момент, когда, по крайней мере, теоретически нам нужно наше сообщество... и не существует сообщества, которое не могло бы попрощаться с усопшими и не организовать похоронную церемонию. Вопрос в том, как создавать сообщества во времена бедствий и катастроф.

Какие последствия пандемия будет иметь для общества?

Пандемия изменит способ, посредством которого мы связаны с нашими собственными телами. Наше тело превратилось в угрозу для

нас самих. Второе последствие – это трансформация образа мышления о будущем, о нашем сознании времени. Вдруг мы осознаем, что не знаем, каким будет завтрашний день.

Наше тело также представляет угрозу для других, если мы не остаемся дома.

Да. Теперь все мы обладаем возможностью убивать. Возможность убивать была полностью демократизирована. Изоляция – это как раз способ регулирования этой возможности.

Еще одна дискуссия, вызванная некрополитикой, – это вопрос о том, что в данный момент должно стать приоритетом политики: спасти экономику или спасти население. Правительство Бразилии дало понять, что приоритетом должно стать сохранение экономики.

Это логика жертвоприношения, которая всегда лежала в основе неолиберализма, и ее следует называть некролиберализмом. Эта система всегда функционировала с помощью вычислительного устройства, идея которого состоит в том, что одни люди ценнее других. Те, кто не имеет ценности, являются расходным материалом, ими можно пожертвовать. Вопрос заключается в том, что делать с теми, кто, как мы решили, ничего не стоит. Этот вопрос, безусловно, всегда затрагивает одни и те же расы, одни и те же социальные классы и один и тот же пол.

Как, например, эпидемия ВИЧ, при которой правительства откладывали принятие мер и решений, потому что жертвы находились на задворках жизни ... чернокожие, гомосексуалисты, наркоманы?

Теоретически, коронавирус может убить всех. Каждый находится под угрозой. Но одно дело – ограничиться пригородом в другом месте жительства в сельской местности. Другое дело – быть на передовой, работая в медицинском учреждении без маски. Сегодня существуют степени распределения рисков.

Разные президенты называли борьбу против коронавируса войной. Имеет ли значение выбор слов в данный момент? Вы писали в своей работе, что война является неприкрытым актом некрополитики.

Трудно дать название тому, что происходит в мире. Это не только вирус. Непонимание того, что будет дальше, заставляет

государства во всем мире воскрешать старую терминологию, используемую во время войны. Кроме того, люди укрываются за национальными границами своих государств.

Наблюдается ли рост национализма во время этой пандемии?

Да, люди возвращаются домой, «chez-soi», как говорится по-французски. В свои дома. Как будто худшее, что может случиться в жизни, – это умереть вне дома. Границы закрываются. Я не говорю, что они должны быть открытыми, но правительства реагируют на эту пандемию националистическими действиями, с образом границы, стены.

Будем ли мы такими же, как раньше после этого кризиса?

В следующий раз мы пострадаем еще сильнее, чем во время этой пандемии. Само человечество ставится под вопрос. Если серьезно относиться к этой пандемии, то она свидетельствует о том, что наша история на земле не гарантирована. Нет никаких гарантий, что мы будем здесь вечно. Тот факт, что вполне вероятно, что жизнь будет продолжаться без нас, является ключевой темой нашего века.

Перевод с испанского: Thomas Marchevsky

Перевод с английского: Наталья Суполкина

ДИВЬЯ ДВИВЕДИ
DIVYA DWIVEDI

БЕГСТВО БЕЗ ПУНКТА НАЗНАЧЕНИЯ
A FLIGHT INDESTITUTE

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/a-flight-indestinate-divya-dwivedi/>

Сегодня спутники делают нас «наблюдателями с неба» массовых захоронений везде, где скорость распространения смертей, связанных с COVID-19, опережает скорость оказания медицинской помощи и похоронной службы. В нашей изоляции новостные сайты и социальные сети стали нашими окнами в необычные места захоронений – отдаленные острова и рефрижераторы. В отличие от того, что, похоже, предлагает Агамбен, этот опыт неполного

ритуального траура не является новым¹⁹. Ведь человек не был «вмонтирован» в цивилизацию в мгновение ока посредством исключительного акта «небес». Из сочинений Фукидида мы знаем, что эпидемии в древние времена тоже порождали такую ситуацию: «Все прежние погребальные обычаи теперь совершенно не соблюдались [...] Иные при этом даже доходили до бесстыдства [...] Ни страх перед богами, ни закон человеческий не могли больше удержать людей от преступлений»²⁰.

Погребения и оплакивания никогда не были и сейчас не являются просто символической формой «уважения». Они также не являются постоянной метафорой возвращения в прах. Обращение с мертвыми всегда было частью мероприятий по круговороту здоровья и болезней среди живых и неживых, почв, растений и животных, включая человека. Время от времени, по мере того, как компоненты этого круговорота изменяются и изживают друг друга, эти мероприятия должны меняться и направляться в определённом направлении.

Сегодня, разлученные со своими умершими ради собственного здоровья, тысячи людей скорбят в компании незнакомцев с помощью теле-технологий. Журналисты всего мира взяли на себя полиномиальное существование, функционируя одновременно в качестве свидетеля, почтальона, исповедника, курьера, доставляющего скудные пайки. Само предназначение оплакивания больше не несут на себе религии (которые сегодня в лучших случаях кормят и защищают невостребованных живущих). Вместо этого, стенания и рыдания за живых подняли теперь медсестры и врачи, которые взывают к здравому смыслу протестующих, выступающих против строгих изоляций.

Советники по вопросам здравоохранения и группы по оказанию помощи призывают правительства разумно планировать как изоляцию, так и торговлю необходимыми предметами потребления. Исследователи просят всех, до кого они могут достучаться, отбросить суеверия и слухи, прислушаться к здравому смыслу и установленным фактам. Это сегодняшние слепые провидцы, которые знают, что пандемию нужно понимать в колеблющихся соотношениях между

¹⁹ Agamben, G. "A Question," April 23, 2020, <http://autonomies.org/2020/04/giorgio-agamben-a-question/>

²⁰ Фукидид. *История Пелопоннесской войны*. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. https://librebook.me/history_of_the_peloponnesian_war

известным и неизвестным, между существующими условиями и меняющейся статистикой. Это смирение присуще науке.

Ход пандемии – это вопрос относительной скорости движения и отношений между скоростями. Скорости вирусной инфекции уже многовариантны в соответствии с доступными ей превращениями в качестве бегства, которые мы должны понимать так, как учил нас Элиас Канетти: «и чтобы избежать его [вымирания], каждый из живущих ударяется в бегство, превращаясь, кто во что может»²¹.

Канетти обнаружил, что превращения как бегства имеют два неразрывно связанных принципа: страх и пища. Чаще всего мы выборочно останавливаемся на его теории приказа бежать, определяемом по принципу страха, но пренебрегаем его размышлениями о пище. В работе «Масса и власть» он также представил руку как локус пищевого принципа для человека. Человек – это хрупкое животное, между ртом и пищей которого находится зияющее расстояние, которое можно преодолеть только с помощью рук человека: «Медленные, спокойные действия рук создали мир, в котором нам хочется жить»²².

Руками мы одновременно едим и кормим, и мы стремимся создавать технологии и институты, направленные на то, чтобы превзойти скорость распространения голода и эпидемий. Сегодня именно через руки врачей и медицинских работников проходят живые, умершие и все медицинские методы, нацеленные на то, чтобы предотвратить появление груд трупов, описанных Фукидидом.

В настоящее время сам по себе вирус представляет собой тип мобильного генетического элемента, который становится активным и вирулентным только тогда, когда переносится в среду своего носителя. Именно его быстрое размножение, например, внутри человеческого организма при определенных обстоятельствах приводит к эпидемии. Именно здесь принципы и относительные скорости человеческого превращения как бегства становятся очевидными. При эпидемии речь идет о взаимодействующих относительных скоростях, скажем, например, распыляющихся и оседающих вирусных капелек и глобальных контактно-транспортных систем людей. Диспенсеры по вопросам здравоохранения и общественного порядка также регулируют и оценивают свои планы с

²¹ Канетти Э. *Масса и власть* / Э. Канетти; Пер. с нем. и предисл. Л. Ионина. – М.: Ad Marginem, 1997.

²² Там же.

точки зрения относительных скоростей: открытия больниц, приобретения медицинского оборудования, проведения исследований и проб, разработки вакцин, сбора урожая, торговли и распределения продуктов питания.

Скорость – это мера вещей относительно друг друга. В определенный момент врачи поняли, что высокая скорость потока кислорода при интубации может не подходить всем пациентам, поскольку их легкие поражены в разной степени. Как сказал один врач, в некоторых случаях «это все равно что использовать Ferrari, чтобы заехать в магазин по соседству: ты нажимаешь на акселератор и врезаешься в витрину»²³.

Зондирующее мастерство практикующего врача заключается в том, чтобы найти такие пропорциональные сочленения.

Сам по себе мир, который сегодня связывает всех и вся беспрецедентным образом, представляет собой огромную и динамичную композицию сочлененных компонентов, то есть закономерностей, в рамках которых вещи взаимодействуют с определенными скоростями. У этого механизма всегда были только степени пропорционального сочленения – скажем, между спросом и предложением, кредитованием и прибылью; в то время как другие его компоненты находились в диспропорции, масштабы которой еще не определены – безработное население, беженцы без гражданства, ядерные отходы, не использующиеся технологии, а также пока не придуманные возможности политики, которая отвечала бы проблемам всех людей в мире. К этой композиции добавлен вирус как новый ускоряющий компонент. Изоляции пытаются замедлить распространение вируса. Однако, это также ускоряет разрушение существующей мировой системы обменов, которые поддерживают людей (хотя и не очень хорошо). Пандемия вызвала определенный обмен скоростями, в результате чего эта мировая машина заедает и заклинивает, как перегретый двигатель. Что нужно в данный момент?

Многие сегодня придерживаются гипофизического склада мышления²⁴, приравнивая заботу к репарации. Хайдеггер пытался сместить это уравнивание, переведя сохранившийся фрагмент изречения Анаксимандра. Считается, что это изречение гласит: «...по

²³ <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-ventilators-special-report-as-virus-advances-doctors-rethink-rush-to-ventilate-idUSKCN2251PE>

²⁴ См. Mohan, S. and Dwivedi, D. *Gandhi and Philosophy: On Theological Anti-Politics*, Foreword by Jean-Luc Nancy, London: Bloomsbury, 2019.

необходимости; ибо должны они платить пеню и быть осуждены за свою несправедливость». Но в философском переводе Хайдеггера оно звучит так: «...вдоль употребления: а именно, они придают чин и тем самым также угоду одно другому (в преодолении) бесчинства»²⁵.

Таким образом, изречение предложило мыслителю XX века откровенную загадку бытия всех вещей. Для него бытие всего сущего возникало в последовательных, упорядоченных взаимоотношениях таким образом, что каждый чин (или расположение в определённом порядке) зависел и при этом отличался от предыдущего. Он обнаружил, что ни один из чинов не раскрывает, а поэтому все они скрывают, распределение этих порядков. Следовательно, Хайдеггер понимал бытие как непонятную, неясную судьбу, потому что не было раскрыто то, что связывало последовательные чины в одну историю. И далее он считал эту «предшествовавшую судьбу забвения бытия» самой историей Запада; ее рассвет был в размышлениях Анаксимандра об этом предопределённом забвении, а ее сумерки были свершившимся забвением XX века с его технологическим утверждением человека в качестве хозяина земли²⁶.

Но эта вирусная пандемия XXI века раскритиковала наш мир. Другими словами, она показала пределы одних компонентов мира, а также нереализованные силы некоторых других. Давайте на время развлечемся игривой аналогией между фрагментом утерянного текста и вирусом. Философский отрывок – это мобильный мыслимый элемент, и Хайдеггер обращался с ним как с таковым. Давайте сегодня проанализируем еще одну транспозицию изречения Анаксимандра. То есть мы можем сделать его упоминания об «употреблении», «чине» и «угоде» вновь мобильными. Но на этот раз, не стремясь к восстановлению оригинального греческого предназначения.

Судьба (destiny) и место назначения (destination), в смысле занятия позиции, имеют одинаковый гипотетический корень «sta», означающий «стоять», «укреплять или стоять на своём». Человеческое существо вновь столкнулось с миром, который не был буколической центральной частью триптиха Босха «Сад земных наслаждений». Скорее, оно было незваным гостем, встреченным с огромным нежеланием, в мире, где с помощью поддерживающих

²⁵ Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.

²⁶ Там же.

друг друга рук оно научилось ходить, строить и терпеть крушения, неважно, в результате бурь и штормов или плохих условий. Никто не стремился восстановить ни первое место прибытия, ни последнее разрушенное здание. Человек стремился заключить новое соглашение, которое зарезервировала бы его будущую гибель как неожиданность. Сегодня мы говорим о стабильности и устойчивости так, как будто судьба мира (неважно, преданная научно-техническим человеком или реализованная воздержанным человеком) ожидала возрождения. Сегодня мы говорим об апокалипсисе, как будто судьба заката, прослеженная Адорно или Хайдеггером, была «забыта». Но пропорционально сочлененные компоненты, которые влекут вещи в мир, задерживаются только в ожидании грядущих диспропорций. Они получают новые компоненты относительных скоростей и свои новые сочленения. Только какой-то промежуток времени отделяет их позицию от их не-предназначенности. Они заключают более или менее временное соглашение; мир, который вскоре освободится для другого соглашения, другого мира. Тогда это место, которое позволяет мирам приходить и уходить, есть не что иное, как этот самый мир, воспринимаемый как такой, у которого нет пункта назначения. Покинутый началом и концом.

Наш мир теперь связывает всех и всюду в рамках взаимных, хотя и не равных, взаимодействий – действий на расстоянии, мобильных эффектов. Мы наблюдаем это в распространении пандемии, а также в последствиях изоляции. Это делает нас ответственными за всех и всюду. Регионы не могут изолироваться от материалов, идей, болезней и новостей, которые поступают из другого города, штата, страны или континента. Правительства спешат ослабить свою плохо спланированную изоляцию, надеясь, возможно, вернуться к ранее существовавшим глобальным договоренностям. Но мы понимаем, что это нерешительный переходный период замедлений с целью переформулировать скорость компонентов всего мира. Это может быть возможностью перестроить наши минимизированные в настоящее время закономерности, чтобы найти новые способы ускорения для заботы о каждом. Тогда мы должны признать себя миром, и мы должны обратиться и ответить миру как мир – мировая демократия.

Вместо этого нас отзывают региональные традиции и предпочтения в философии, политике и попечительстве. Теории «современности», разработанные в начале прошлого века, были

направлены против двухвековой индустриализации и роста многолюдных городов. Теоретики предполагали, что зло тоталитаризма возникает в результате «искоренения» сельских жителей и появления плавающих «масс». По их мнению, миру суждено было прийти в упадок посредством роста чего-то плохого, называемого властью. Сегодня нам снова говорят, что жизнь течет вне изоляции, в людских массах, но в то же время нас быстро ограничивают в слишком дальних перелетах, пересечении границ, потере корней, перенаселенности мегаполисов. И поэтому побег из курятника заканчивается прямо внутри сарая.

Но, находясь на паузе изоляции, мы представляем себе другие бегства. Анализ Канетти превращения как бегства в рамках массы, стаи, стада и институций показывает полиномию непредназначенности, непредопределенности. Полиномия – это способность ума устанавливать различные закономерности в одном и том же объекте. Среди этих многочисленных типов массы Канетти обнаружил, что специфическое формирование бегства как нерегулируемой «открытой массы» предлагает опыт равенства и распада в неиндивидуализированное человечество. Биополитика Агамбена считает эту открытую массу нормой человеческой жизни²⁷. Но бессмысленная свобода от нас самих посредством пошатывающейся массы в непереходном бегстве – это еще один вид освобождения от самой жизни. И Канетти знал, что это редкое, мимолетное явление. Он скорее указывал на «терпение рук»: «Слова и предметы стали поэтому итогом и результатом единственного и единого переживания, а именно: изображения при помощи рук. [...] орудиями этого присвоения»²⁸.

Под терпением он подразумевал не медлительность или неподвижность, а готовность к превращениям. Чтение работ Ганди является наиболее информативным и назидательным для нас с целью распознавания ложной проблемы массы и изоляции. Он предложил идеальную деревенскую жизнь, ограниченную до минимума, где человеческая рука будет спокойной и благоразумной. Канетти прекрасно знал и избегал этого стазиса²⁹, рассказывая об этом в своей

²⁷ Agamben, G. "Social Distancing," April 7, 2020, <http://autonomies.org/2020/04/giorgio-agamben-social-distancing/>

²⁸ Канетти Э. *Масса и власть* / Э. Канетти; Пер. с нем. и предисл. Л. Ионина. – М.: Ad Marginem, 1997.

²⁹ Mohan, S. and Dwivedi, D. *Gandhi and Philosophy, Chapter 10, "Anastasis"*.

книге «Голоса Марракеша»: в окружении кричащих и вопящих нищих на кладбище он говорит: «Я почувствовал, какой может быть соблазн в желании дать людям растерзать свое тело на части»³⁰.

Исследователи и репортеры, которые призывают к разуму мира, знают, что решения не могут быть разработаны вне условий, потребностей и желаний в этом непредопределенном мире, мире без пункта назначения (действительно, единственное решение такого рода, предложенное сейчас, предполагает, что мы не должны ничего делать и «позволить жить» или «позволить умереть» в силу какой-то невидимой судьбы). Однако сегодня мы реагируем на проблемы всемирного обмена скоростями и закономерностями, а не только на проблемы провинций или стран. Наше бегство является частью коллективных результатов и изобретений, подготовленности и непредвиденного. Перефразируя изречение Анаксимандра, оно «...вдоль непредназначенности; потому что они должны обмениваться договоренностями и переформулировать друг друга, преодолевая стазис».

Перевод с английского: Наталья Суполкина

ЖУЖА БАРОШ
ZSUZSA BAROSS

АГАМБЕН, ВИРУС И БИОПОЛИТИКА: ОТВЕТНЫЙ ХОД³¹
AGAMBEN, THE VIRUS, AND THE BIOPOLITICAL: A RIPOSTE

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/agamben-the-virus-and-the-biopolitical-a-riposte/>

Резюме: текст является философской критикой широко обсуждаемой реакции Агамбена на пандемию коронавируса и объявленное чрезвычайное положение. Он не направлен против

³⁰ Canneti, E. *The Voices of Marrakesh: A Record of a Visit*, translated by J. A. Underwood, London: Penguin 2012 p. 50.

³¹ Я пишу это в начале апреля, спустя всего несколько недель после первого выступления Агамбена. За это время вирус остался неопределенным, уклонился от защитных мер, превзошел по скорости планы, прогнозы, предсказания... Однако эта вирусная изобретательность является лишь одной из причин, по которым я не буду задействовать Агамбена в вопросе относительно природы вируса и не буду строить на нем дискуссию здесь.

(неправильной) интерпретации силы нового патогена, а, наоборот, пересматривает концептуальный аппарат его поддержки: «биополитический», «голую жизнь», «чрезвычайное положение». В первой части статьи ставятся под сомнение эти (старые) концепции, разработанные Агамбеном в других текстах («Homo Sacer», «State of Exception») и унаследованные от Фуко, Бенямина и Арндт, в отношении их «современности» сегодня: во время глобализирующей эпидемии, «геоцида» (Мишель Деги), климатического «коллапса». Во второй части эссе автор обращается к концепции жизни Делёза, чтобы отдать должное, восстановить измерение жизни, которое не представляет собой ни «хорошую жизнь», ни сводится к «голой жизни».

Наше общество больше не верит ни во что, кроме голой жизни. Очевиден тот факт, что итальянцы готовы пожертвовать практически всем – нормальными условиями жизни, социальными отношениями, работой, даже дружескими отношениями и религиозными или политическими убеждениями – чтобы избежать опасности заболеть. Голая жизнь и страх ее потерять – это не то, что объединяет мужчин и женщин, а то, что ослепляет и разделяет их³².

Заблуждение, или я бы сказала, вслед за Делёзом, *bêtise* (глупость), реакции Агамбена на новый коронавирус («изобретение эпидемии») состоит не в том, что он ошибочно принимает возбудителя за «нормальный» грипп, инфекцию, число жертв которой невелико и, по большей части, с легкими или умеренными симптомами (хотя к концу февраля, когда появился первый провокационный материал³³, масштабы бедствия в Ухане и в других местах были уже очевидны, независимо от того, представляло ли оно собой «событие» [по поводу чего Агамбен предлагает нам перечитать работу Франсуа Брюна «События, которых не существует», подразумевая, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным],

³² Первые выступления Агамбена («*L'invenzione di un'epidemia*» и «*Lo stato d'eccezione provocato da un'emergenza immotivata*», 26 февраля), последующие пояснения («*Chiarimenti*», 17 марта) и интервью растиражированы в нескольких версиях на итальянском, французском и английском языках, часто под разными названиями (в таких изданиях, как *Quodlibet*, *Positions*, *Il Manifesto*, *Acta-zone*, *Marseille infos Autonomes*). Отрывок из его «Пояснения» появился в английском переводе вместе с первым выступлением («Изобретение эпидемии») в *Европейском Журнале Психоанализа*, где он сопровождалось рядом ответов, включая Жана-Люка Нанси («Вирусная чрезвычайная ситуация»). См. <https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers>

³³ *L'invenzione di un'epidemia*, *Quodlibet*, February 26, 2020, <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia>

помимо вопроса о компетенции, категория «нормальный» занимает сомнительное место в вирусологии, о чем свидетельствует история эпидемий, истребивших коренных жителей Северной и Южной Америки. Вирусы «нормализуются» и/или становятся «нормализованными»).

Но Агамбен (о чем он напоминает своим критикам в последующем интервью³⁴) не является ни эпидемиологом, ни вирусологом; он не вмешивается в этот вопрос в качестве специалиста по инфекционным заболеваниям. Ошибка (на этот раз не заблуждение и не *bêtise*) касается не природы самого вируса (что является аргументом Нанси), а кроется в самом сердце его философской системы и использования/ссылки на (старую) концепцию биополитического (и чрезвычайное положение в качестве его чистейшей формы) относительно сегодняшнего дня: время «геоцида» (Мишель Деги), климатического «коллапса», обобщенной катастрофы (крах системы координат)... Недостаток аргумента о том, что страх перед искусственной эпидемией находится (поставлен) в услужении политического (правительства) и отвечает реальной потребности в коллективной панике, для которой «эпидемия является идеальным предлогом», заключается не в том, что он недооценивает силу или потенциал эпидемии для (биологического, экономического, социального, культурного) разрушения (что она и делает). Не заключается он и в том, чтобы рассматривать агрессивные меры правительства по борьбе с эпидемией как принципиально и фундаментально «биополитические». Он скорее заключается в неспособности понять эти реакции как проявления и симптомы радикальной мутации в этой области: инверсию порядка сочленения био/политического, отклонение и изменение направления сил, пересекающих узлы, которые неумолимо, бесповоротно, а сегодня и беспощадно, связывают «биос» (органическую и неорганическую жизнь) с политикой.

«Биополитическое»

Как известно, заимствование Агамбеном концепции Фуко превращает биополитическое в аксиоматическое, неопровержимое «положение»: политическое (Запада) всегда уже является биополитическим, представляется как исключение (фабрикация)

³⁴ «Я не вирусолог и не врач». «Эпидемия ясно показывает, что чрезвычайное положение стало нормальным состоянием», издание «*Le Monde*», 28 марта, 2020.

«голой жизни» в месте её происхождения (Аристотель, древние греки). Я оставляю без внимания здесь свою оговорку в отношении этого исходного основополагающего знака и напоминаю только о том, что прочтение Арентт этой же истории порождает другую структуру и взгляд на происхождение. Она приписывает создание политического – основополагающее различие/разделение (oikos/polis³⁵; zoe/bios³⁶) – перформативной функции Закона, который не принадлежит ни одной из сфер. Закон (или Стена, физическое проявление nomos³⁷) предписывает городу, который он сам по себе представляет, разделиться на два отдельных пространства: oikos, или личное пространство «лишенности» (производство/ воспроизводство // потребность и необходимость // рождение и смерть...) и polis, или публичное пространство видимости, воздействия, действия. Правда, polis исключает zoe из своей сферы: «метаболизм жизни» скрыт от глаз Стеной по ту сторону Стены. Но Стена, этот ранний предшественник «сепарации», в отличие от современного многообразия, создающего анклав, лишь разделяет, сортирует, проводит категорическое различие. Гражданин Греции, гражданин-человек, ежедневно пересекает Стену и является обитателем обеих сфер. Другими словами, полис исключает, но не захватывает, не удерживает в плену то, что исключает. Структура oikos/polis в этом толковании Арентт является неизменно неоднородной для «включающего исключения», которое должно произойти в будущем, «парадигмой которого является лагерь», который, в свою очередь, является «номосом современности»³⁸.

Не нужно прибегать к точке зрения Арентт относительно воссоздания происхождения, чтобы увидеть, что у Агамбена проскальзывает ссылка на биополитику Фуко. «Всегда уже» смягчает, сглаживает разрушающий знак генеалогии Фуко, который врезается в ход истории, внося в неё разрыв гетерогенной мутации; а именно, новую политическую или правительственную власть,

³⁵ Oikos (греч.) – домашнее хозяйство, дом в Древней Греции; polis – город-государство (прим. переводчика).

³⁶ zoe/bios (греч.) – жизнь: zoe – сам факт жизни, общий для всех живых существ (будь то животные, люди или боги), bios – указывает на правильный способ или форму жизни индивида либо группы (прим. переводчика).

³⁷ Nomos (греч.) – бог законов, постановлений и указов в Древней Греции; религиозная, этическая, правовая или традиционно обусловленная норма, имеющая обязательный, общезначимый и неизменный характер (прим. переводчика).

³⁸ Agamben, G. (1998) *Homo Sacer*, transl. by Daniel Heller-Roazen (Stanford: Stanford University Press).

которая, в отличие от суверенной власти, которую она заменяет, берет на себя управление жизнью. В пересмотре Агамбена генеалогия гетерогенных образований Фуко подвергается сокращению, ее разрыв заменяется длинной и непрерывной биополитической историей и «развитием» (я использую его термин с осторожностью как сокращение), которые, хотя и наполнены повторениями, аналогиями, предшественниками, забытыми оригиналами и возвратами, по-прежнему, в последней инстанции, всегда являются биополитической фальшивкой голой жизни. В своей чистейшей, то есть наиболее упрощенной форме, биополитическое становится чрезвычайным положением – самой упрощенной формой и абсолютным предельным случаем в отношении как жизни, так и, как это ни парадоксально, самого политического, поскольку абсолютная власть над абсолютно упрощенной жизнью достигается за счёт Закона, представляющего себя недействительным, по закону. «Оно [право] включает в себя саму человеческую жизнь путем временной приостановки своего же собственного действия»³⁹.

Мы видим, как чрезвычайные ситуации, объявленные недавно во всем мире, могут привести или позволить Агамбену признать в них классическую форму чрезвычайного положения, которое сейчас нормализовано: «Вновь проявляется тенденция использовать чрезвычайное положение в качестве нормальной парадигмы для правительства. Законодательный указ, незамедлительно утвержденный правительством «в целях гигиены и общественной безопасности», фактически устанавливает настоящую милитаризацию «муниципалитетов и районов, где есть хотя бы один человек с положительным результатом теста, и для которого источник передачи неизвестен, или где имеется хотя бы один случай, не относящийся к лицу, недавно вернувшемуся из района, уже зараженного вирусом». Такое расплывчатое и неопределенное определение позволит быстро распространить ситуацию чрезвычайного положения на все регионы, поскольку практически невозможно избежать появления подобных случаев в других местах. Давайте рассмотрим серьезные ограничения свободы, которые содержит указ: а) запрет на выезд любого лица из инфицированного муниципалитета или района; б) запрет на въезд любого лица в инфицированный муниципалитет или район; в) приостановка

³⁹ Agamben, G. (2005) *State of Exception*, transl. by Kevin Attel (Chicago: University of Chicago Press).

проведения мероприятий любого характера и любых форм собраний в общественных или частных местах, включая культурные, развлекательные, спортивные и религиозные мероприятия, в том числе в закрытых помещениях, если они открыты для публики; г) закрытие детских садов, служб по уходу за детьми и школ всех уровней, а также запрет на посещение мероприятий в рамках школ, высших учебных заведений и профессиональных курсов, за исключением дистанционного обучения; д) закрытие для публики музеев и других культурных учреждений и помещений, перечисленных в статье 101 Кодекса культурного и ландшафтного наследия, в соответствии с Законодательным Декретом № 42 от 22 января 2004 года. Все Положения о свободном доступе в эти учреждения и помещения также приостанавливаются; е) приостановка всех учебных поездок как по Италии, так и за рубеж; ж) приостановка всех процедур проведения государственной проверки и всей деятельности государственных учреждений, не ограничивая деятельность служб по предоставлению услуг первой необходимости и коммунальных услуг; з) обеспечение соблюдения карантинных мер и активное наблюдение за лицами, которые имели тесные контакты с подтвержденными случаями заражения»⁴⁰.

Будь то в месте своего происхождения или, по мнению Агамбена, в своем чистейшем состоянии, т.е. в чрезвычайном положении, или, опять же, в своем последнем многообразии био-экономико-политического порядка – власть всегда исходит от политического в направлении к жизни: к её регулированию, контролю, дрессуре, ограничению; к манипулированию ею, её эксплуатации, приведению её в действие (например, производство инсулина), превращению её в оружие (биологическая война); или, по мере того как власть становится все более креативной, она движется к рекомбинации (ДНК), трансплантации, гибридизации, производству ... и, в последней инстанции, не с точки зрения хронологии, к фабрикации жизни как голой жизни ...

Таким образом, чрезвычайное положение также является исключительным в этом отношении: оно нацелено на контроль всей жизни.

⁴⁰ Agamben, G. *The Invention of an Epidemic*. <http://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/> (Published in Italian on Quodlibet, <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia>)

Как структура, возможно, но, безусловно, как (пустая) форма, чрезвычайное положение может охватывать (как крышка покрывает то, что под ней находится) множество всё более драконовских, все более и более ограничивающих правил, принятых недавно: дистанцирование, карантин, изоляция, самоизоляция, а в последнее время – отслеживание перемещений и контактов граждан.

И все же кое-что ускользает. Во-первых, ускользает вирус. В буквальном смысле⁴¹. Из тропических лесов Демократической Республики Конго, из дикой природы (имеется в виду летучая мышь, панголин – редкий муравьед) в Ухане сбегает форма жизни, РНК-последовательность, которая представляет собой даже не совсем живой организм. Он преодолевает межвидовой барьер, сбегает из своего заточения «природой», с отведенной ему подходящей (собственной) территории. Затем, удачно используя способы и пути глобализации (агрессивного, массового захватчика), он сам глобализуется, но поглощает не земной шар или землю, а Мир⁴². В терминологии Жана-Люка Нанси – пространство (пространства), где циркулирует смысл. Говоря языком Делёза, он детерриториализуется от «природы», от «дикого» (или биологической лаборатории) и одновременно ретерриториализует (без ретерриториализации не существует детерриториализации) «социально-политическую сферу»; он перепрыгивает на другую сторону разделяющей Стены, которая давным-давно была составной частью его территории, удерживая его внутри. Другими словами, направление вторжения, вмешательства, проникновения, то есть сил, проходящих через взаимозависимость, меняется на противоположное: теперь они исходят из русла жизни; смысл (во всех смыслах этого слова) биополитического меняется на

⁴¹ Согласно последней, по всей вероятности, «теории заговора», он сбежал из биологической лаборатории с высоким уровнем безопасности (P4) в Ухане и ускользнул из-под контроля ученых или технического персонала лаборатории, которые его создали, или, во всяком случае, пытались взять его под контроль, узнать, как можно с ним справиться, управлять его кодом. Эта параноидальная фантазия говорит о доминирующем отношении, даже если при этом переоценивается сила науки над жизнью.

⁴² В этом частичном и избирательном уничтожении вирус напоминает нейтронную бомбу, предназначенную для уничтожения только живых, оставляя (мертвую) инфраструктуру нетронутой. С другой стороны, вирус атакует Мир, жизненное пространство создания смысла, где циркулирует смысл и происходит обмен информацией. Он опустошает города, театры и кинотеатры; превращает в пустыни общественные места сборищ, протеста, траура и торжеств, где каждый появляется ненадолго, становится видимым ... – все это время проходя через другие формы жизни (летучие мыши, панголины), не оставляя следа.

противоположный, поскольку именно политическое тело/тело политического подвергается вторжению, нападению. Ткань связей, которые создают и переделывают это тело, разрывается на части в целях самозащиты; биологическое, живое тело гражданина вынуждено отказаться от общественных мест, искать убежища в пространстве лишения и нехватки, в *oikos*, оставляя вирус более или менее свободно циркулировать в общественном пространстве. (И не только вирус. Как мы недавно узнали, дикие животные, лисы, койоты возвращаются на улицы города. В Южной Африке прайд львов сфотографировали лениво спящим на пустом шоссе). Чрезвычайное положение (если этот термин все еще применяется) в случае этого «нового» вируса – это не осуществление власти над жизнью как голой жизнью, а, напротив, крайняя (исключительная) мера самозащиты и иммунная реакция со стороны политического тела на вторгающуюся форму жизни, которая, по сути, даже не совсем живая.

Био-политическое... Мы были настолько уверены в своем контроле над нашим собственным «изобретением» (Агамбен понимает этот термин как политическую конструкцию) «природы» как отличающейся, отдельной обособленной области, что наш язык опустил дефис, который отметил бы соединение, обозначив место сочленения, где пересекаются силы, и которое является также самым слабым местом в конструкции, открывая, с одной стороны, концепцию для деконструкции, а с другой – политическое, жизнь и единственную жизнь, известную нашим обществам на протяжении некоторого времени, для потенциально полного уничтожения. Таким образом, представление (опять же Агамбена) о том, что «заражение» может быть выдумкой политического, является фантазией, принадлежащей тому же старому биополитическому порядку, без дефиса, порядок которого (упорядоченность отношений) был ниспровергнут, армия которого (сначала «политика сдерживания», а затем «смягчения») была (придерживаясь метафор войны, столь популярных в наши дни) разбита и к настоящему времени побеждена. Не только недавно обнаруженным, бесконечно изобретательным вирусом, но и гораздо более массовым и необратимым заражением, которое не исчезнет, когда «все это закончится», и продолжит свое шествие еще некоторое время: климатическая катастрофа, гибель или геоксид, являющиеся площадкой, на которой разворачивается эта эпидемия, а их общим «переносчиком» является, как мы хорошо знаем, глобализация.

Таким образом, биополитическая реакция на заражение – чрезвычайное положение – является защитной иммунной реакцией, а точнее, реакцией аутоиммунности (в точном определении этого термина Дерридой), направленной против самого тела, которое она предназначена защищать. Она вступает в действие, разрушает соединительную ткань политического тела: прерывает ход коммуникации, закрывает границы, изолирует, запрещает контакты, ограничивает, исключает. Она расставляет знаки препинания на общественных местах, открывая разрывы и пробелы, вставляя интервалы; она опустошает кинотеатры и театры, превращает огромные бульвары больших городов в пустыни, устанавливает достаточно большое расстояние между телами, чтобы предотвратить контакт даже посредством выдыхаемого воздуха. (Таким образом, по своему механизму самозащиты политическое имитирует живой организм, чрезмерная иммунная реакция которого на вирус разрушает сам организм: заполняет легкие жидкостью и, лишая его кислорода, приводит к полной функциональной недостаточности его органов).

«Голая жизнь» против «жизни»

Возможно, во время этой пандемии допустимо личное отступление: в течение нескольких дней у меня в голове крутилась фраза или синтагма «рожденный в жизнь». Я думала, что это относится к «голой жизни». Незащищенной или обнаженной? Я задавала себе вопрос. Какой термин является более подходящим? И в чем разница? Человек рождается обнаженным, но точно не беззащитным; человек рождается в паутину отношений, в язык, то есть в мир, где циркулирует смысл, и который имеет смысл (во всех смыслах), каким бы бессмысленным ни казался этот мир. По крайней мере, именно так Ханна Арендт понимала рождение – рожденный в язык, в Мир. Несмотря на их различные философии, эти понятия также перекликаются с состоянием «человека» у Бенямина, по крайней мере, в одном прочтении его, по сути, безнадежно загадочной «Критики насилия»: «бытие (или точнее жизнь) означает незыблемое агрегатное состояние «человека»; и в еще более четкой формулировке: «человек ни в коем случае не совпадает с одной только голой жизнью человека»⁴³. А соответственно, голая жизнь, das

⁴³ Benjamin, W. (1996) *Critique of Violence, in Selected Writings, Vol. 1* (Cambridge, MA: Harvard University Press).

bloße Leben Беньямина, на которую часто ссылается Агамбен, является вторичной; она не может быть исходным, первичным состоянием. Напротив, она возникает потом, является чем-то извлеченным из самой жизни, а не результатом насильственного разделения или лишения приобретенных характеристик и качеств. Другими словами, голая жизнь – это продукт действия и, как таковая, не является вещью. Она относительна, возможна только в рамках структуры, навязанной в/посредством/через политические отношения.

Вскоре я поняла, что источником синтагмы является Аристотель, или, скорее, прочтение Агамбеном «Политики» Аристотеля: «человек рождается ради жизни, но существует ради достижения благой жизни». Категорическое различие Аристотеля на самом деле является ядром «биополитического» положения Агамбена: изначальные политические отношения – это исключение существования как голой жизни. Это также позволяет по-другому понять загадку Беньямина, которая заставляет амбивалентность, упомянутую выше, действовать в другом направлении – моральное презрение к бесчестью (термин Беньямина) жизни, которая добровольно выбрала бы голую жизнь, любой ценой цепляясь за существование, ни за что, кроме голой жизни (в жизни). Другими словами, презрение к итальянцам в их готовности отказаться от любого политического права, даже общности (семья, дружба, похороны), чтобы избежать заболевания от вируса. (Это же самое моральное презрение может объяснить, почему много десятилетий назад Агамбен советовал Жану-Люку Нанси не делать пересадку сердца, которая спасла ему жизнь.) В подтверждение Агамбен снова цитирует Аристотеля: «Исключая разве только те случаи, когда слишком преобладают тяготы [*kata ton bion*], очевидно, что большинство людей готово претерпевать множество страданий из привязанности к жизни (*zoe*), как будто в ней самой по себе заключается некое благоденствие [*euetemeia*, прекрасный день] и естественная сладость»⁴⁴.

Что-то, однако, остается неучтенным: «как будто» Аристотеля. Как будто нам следует читать это как ставящее под сомнение реальность «прекрасного дня» и естественной сладости, или же что Гленн Гульд охарактеризовал в методе Баха сочинять музыку (его

⁴⁴ Agamben, G. (1998) *Homo Sacer*, transl. by Daniel Heller-Roazen (Stanford: Stanford University Press).

бесконечные отклонения, задержки и отказ закончить) как то, что имеет значение (в музыке): «радостную сущность бытия».

Что если мы прочтем «как будто» Аристотеля иначе? Указывая на основополагающий знак самой концепции, собственное разделение (bios/zoe) жизненного мира которой основано на (не-включающем) исключении остатка: чего-то похожего на жизнь, не голую жизнь, а «прекрасный день», являющийся остатком концептуального разделения, которое не могут вместить ни регистр, ни bios (полноценная жизнь), ни zoe (голая жизнь).

Сегодня, как никогда, нам нужно вернуться к этому неучтенному остатку; особенно сегодня, во время этой эпидемии, нам нужно вернуть его из подпольного заточения, поскольку мы – не только итальянцы, но и весь мир – трясемся от страха перед лицом глобализирующей угрозы жизни для каждого из нас.

В первоначальной конструкции (изобретении) Фуко биополитика открывает путь в другое возможное направление, уводящее от проведения любой прямой или косвенной параллели между агонизирующим телом больного коронавирусом на больничной койке и лагерем смерти («номос современного политического»). Эта новая парадигма государственного управления берет на себя ответственность за жизнь, даже если не имеется в виду ничего, кроме биологической жизни. Независимо от того, насколько упрощенной концепцией жизни может быть ее bios, в отличие от существования – статичного, если можно так выразиться, безжизненного – био является «жизненно важным», это территория динамических сочленений, столкновение сил/энергий/ощущений... В первоначальной конструкции концепция по-разному уничтожает вещи в мире. Ее новое политическое инвестируется в жизнь, управляет жизнью, биологическим существованием живых, силы которых она усиливает, возможности которых она увеличивает, продолжительность жизни которых она продлевает (взять, к примеру, воспевание Мишелем Серром биологических достижений прошлого века: искоренение болезней, сокращение масштабов нищеты и голода, увеличение продолжительности жизни и т. д. во всем мире). По этой причине биополитическое приходит в замешательство перед лицом смерти как доказательства своей несостоятельности. (Отсюда еще одна причина неудобства и смущения в связи с ростом числа инфицированных и погибших. Трамп лжет по этому поводу, русские, иранцы, а в самом начале вспышки, китайцы пытаются это скрыть).

Пожалуй, можно с уверенностью сказать, что политическая реакция на пандемию была биополитической в классическом определении этого понятия Фуко: практика государственного управления, которая берет под свой контроль совокупность живых, в данном случае, механику жизни в отношении здоровья, гигиены, выживания и смертности населения. («Сглаживание кривой» является показательным в этом отношении: это касается показателя выживаемости населения и, следовательно, «стадного иммунитета», распространения и частоты случаев инфицирования в динамике по времени, а не жизни человека (спасение жизни)). Но было бы ошибкой делать из этого вывод, что реактивный фактор сам по себе является тем же старым биополитическим. В эпоху мондиализации⁴⁵, когда «население» является подвижным, постоянно перемещающимся в разных географических регионах мобильным и мигрирующим капиталом в поисках минимальных затрат, правительственные методы работы уже давно отказались от одной формы биовласти, а именно от стимулирования жизни, и вместо этого настойчиво поддерживают другой компонент – уход из жизни к смерти. Нынешние чрезвычайные меры, вместо того чтобы продолжать расширение/распространение биополитики, представляют собой реактивацию старых форм. Вирус вынуждает правительства заново открывать для себя «население», от которого они давно отказались; или, скорее, он сам усиленно преобразовывает или реконструирует массы разрозненных, разобщенных тел, живущих в городах, регионах и государствах, в живой организм коллектива: беззащитного, инфицированного и заразного, зараженного и заражающего⁴⁶... Так же, как он раскрывает расширение прав и возможностей цифровой, виртуальной, гиг-экономики, силу нематериализации, деривативов, биткойнов, финансовой индустрии...

⁴⁵ Мондиализм (от лат. «mundus», фр. «monde» – «мир») – проект по установлению мирового правительства. Мондиализм – английский вариант французского слова «мондиализация» (mondialisation). Иногда это понятие путают с явлением глобализации. Понятие глобализации относится к экономической сфере деятельности человека, тогда как мондиализация – к гражданско-политической (прим. переводчика).

⁴⁶ На этом любопытном забвении о населении необходимо остановиться подробнее. Здесь я могу лишь сослаться на аргумент Фуко («Рождение биополитики») о том, что при определенных формах неоллиберализма экономика отрывается от общества, чтобы вступить во взаимные симбиотические отношения с политическим: политическое санкционирует экономические операции, которые, в свою очередь, легитимизируют политическое. Исключенное третье, социальное (здравоохранение, социальное обеспечение, жилищный вопрос и т. д.), входит в книгу учета отрицательных расходов.

и силу жизни и материального реального (маски, аппараты искусственной вентиляции лёгких, защитная одежда, лекарства; ежедневное снабжение продовольствием, жизненно важные лекарства, даже туалетная бумага). Точно так же, как он показывает немислимую и неиспользуемую силу живого организма наиболее угнетенных и обездоленных групп населения, «крайне важный» труд мигрантов и меньшинств: водителя грузовика, уборщика помещений, мусорщика, водителя автобуса, почтальона, кассира, агента по продажам, бакалейщика, пожарного, курьера; санитаров и сиделок в домах престарелых, рабочих на мясокомбинатах, сезонных сельскохозяйственных рабочих и, в более широком смысле, тех, кто отвечает за дойку коров, кормление свиней, сбор яиц, выпечку хлеба, сбор фруктов...

Если не на больничной койке, в интубированном теле, подключенном к аппарату искусственной вентиляции легких, мы находим сегодня голую жизнь, тогда где она? В каком регионе этого глобализованного политического находится подходящая ей среда обитания? Она исчезла со сцены политического? На самом деле, она везде (разные геологические слои/пласты политического сосуществуют, являются смежными, в одно и то же хронологическое время). Например, это тело, качающееся в Средиземном море, цепляющееся за борт переполненной надувной лодки; это тело, «закрытое» за колючей проволокой, со всех сторон ограждающей лагеря по обе стороны Европы; это тело, заключенное в анклав за пределами Идлиба, Сирия, и тело, теснящееся на перенаселенном кусочке суши между двумя водоемами с грязной водой на границе между Бангладеш и Мьянмой...

Тогда возникает вопрос, как спасти то, что обязательно попадает между, существует в разрыве между наготой жизни и ее полной характеристикой (человек, личность, сингулярность ее свойства), между политической жизнью и голой жизнью? Как спасти с помощью понятия или понятий ту сладость, о которой говорил Аристотель, и спасти ее как несводимую к страху (смерти), инстинкту (выживания), цепляющуюся за жизнь любой ценой (что вызывает презрение Агамбена, а Беньямин характеризует как недостойное)? Как спасти этот компонент или величину (какое здесь слово будет правильное)? Разве это не смысл? – смысл (во всех смыслах этого слова) жизни, «небытие которой было бы чем-то более

ужасным» (как говорит Бенъямин), нежели любое «достигнутое» состояние человека?

Тело, цепляющееся за край переполненной надувной лодки; тело, которое делает последнее усилие, чтобы пересечь пустыню, – это голая жизнь: состоять в отношениях, даже если в них наблюдается абсолютное одиночество и покинутость. Это творение, продукт, произведенный политическим механизмом, который изгнал его из мира, в котором он родился. По сути, из самого Мира. Вне закона, но находящийся под контролем закона вне Мира. С другой стороны, то, что Водолей и другие спасательные корабли ищут в открытом море, что добровольцы прочесывают пустыню Техаса в надежде спасти беженцев, является третьей категорией живого существования. Делёз дал этому простое название: жизнь.

«Лучше Дикенса никто не поведал нам о том, что есть жизнь... Некий каналья, скверный, презираемый всеми человек умирает, и все кто за ним ухаживают всячески стараются ему услужить, выказывая уважение и любовь к малейшим проявлениям жизни умирающего. Все озабочены его спасением, так что даже в самой глубине своей комы прохожа начинает ощущать проявления этой нежности [«прекрасный день» Аристотеля?] ... Между его жизнью и его смертью есть один момент, который уже не более чем жизнь, играющая со смертью»⁴⁷.

Даже у животных, а точнее, в нашем отношении к животным, мы различаем голую жизнь и жизнь: животных массово убивают, задумайтесь, например, о массовом рыболовстве, не совершая при этом преступления. Но когда жители побережья спешат спасти нескольких китов, которые сами выбросились на берег, толкают и тянут их, поливая их кожу от солнцепека и жары до следующего прилива, то, на что они реагируют в каждом случае, – это жизнь, одинокая и единичная жизнь, проходящая через то или иное тело гигантского животного.

Пациент, лежащий на больничной койке и судорожно хватаящий воздух ртом, суесящиеся вокруг него врачи, – это пациент-тело, больное тело, в котором жизнь борется со смертью. «Жизнь субъектная уступила место жизни безличной, но, тем не менее, единичной, которая выявляет чистое событие, свободное от случайностей внешней и внутренней жизни...: Homo tantum» [...]

⁴⁷ Deleuze, G. (2001) *Immanence: A Life, in Pure Immanence: Essays on A Life*, transl. by Anne Boyman (New York: Zone Books).

Жизнь индивидуальности уступает место жизни единичной, присущей человеку, у которого больше нет имени»⁴⁸.

Это чистое событие находится вне досягаемости (ретерриториализации) любой экономики, расчета, измерения или сравнения. Это что-то, что политическое (неважно, биополитическое или нет) не может охватить или прикоснуться, даже если медики, его агенты или действующие лица реагируют на него мгновенно, интуитивно, без необходимости его понимания. И когда политик касается его, когда его относительная ценность (относительно другой жизни, его полезности или годам, которые ему еще осталось прожить) измеряется по шкале балльной системы «принципов последней возможности», тогда это чистое событие жизни мгновенно превращается в ничто иное, как голую жизнь. Когда аппарат ИВЛ отключается (или нет), чтобы помочь другому пациенту выжить, оба становятся ничем иным, как голой жизнью, в той или иной степени заслуживающими жить, исходя из измеряемой и измеримой «заслуги».

Торонто, 17 апреля, 2020

Постскриптум

В то время, как я заканчиваю написание этого текста (не заканчивая при этом ни с одним из вопросов, которые изобретательный вирус бросает в нас, каждый день по-разному), Виктор Орбан, Премьер-министр Венгрии, своим указом продлевает ранее объявленное чрезвычайное положение, претендуя на неограниченные полномочия для своей должности на неопределенный срок.

Венгрия: является ли это последнее достижение «нелиберальной» демократии апостериори доказательством вклада Агамбена в критику этого вопроса? Предвидел ли он это, предсказал ли он его пришествие? Что вирус превратится в политическое оружие, и не только Орбаном, и станет предлогом для превращения чрезвычайного положения в нормальную форму правления?

Опять же, это не просто форма? (Форма относительно стабильна, а содержание меняется (Ницше)). Это не просто форма, которая превращается в оружие, на службе не биополитического режима, доведенного до предела, а, в случае Венгрии, архаичной деспотической клептократии? (У Венгрии нет опыта

⁴⁸ Там же.

демократических форм правления, даже в самой упрощенной формалистической версии, которая сейчас практикуется где-то/езде). Вместо того чтобы заниматься биовластью, новая политическая власть Венгрии находится в соотношении гротескной симметрии с этим другим режимом неограниченности, режимом Болсонару в Бразилии, рассуждения которого провоцируют общественную «невоздержанность» – беспорядочное потребление, включая истребление пожарами лесов Амазонки и самой «реки в небе», которая приносит дожди в Африку.

Неизвестно, какой путь выберет для себя глобализированный мир в будущем. Будет ли он (тщетно) пытаться вернуть мир к тому, каким он был всего лишь несколько месяцев назад (хотя кажется, что это целая жизнь), или, что еще хуже, заставить экономику «реветь», как оживший автомобильный двигатель; или, наоборот, он усвоит урок, который этот вирус может преподать нам в отношении другого экзистенциального кризиса, который не исчезнет, даже если мы почти потеряли его из виду в разгар этой чрезвычайной ситуации? Этот урок: декарбонизация возможна. Небо над Мумбаи снова голубое, море в окрестностях Венеции вновь наполнилось животным миром. Нельзя сказать, усвоится ли этот урок, безжалостно преподнесенный не более чем несколькими нитями молекул, бездействующими, ожидающими момента, чтобы ожить. Все, что можно сказать, это то, что, возможно, нам еще предстоит определить это «после».

Сейчас этот «вирусный» урок, каким бы суровым и жестоким он ни был, странно напоминает божественную справедливость Беньямина. Он не проливает кровь, убивает, не оставляя следа – в интересах жизни. Бесследно: после того, как эпидемия закончится, и поколение, ответственное (хотя бы через соучастие) за геоцид будет уничтожено, никакой памяти об этом не останется. В интересах жизни: возможно, это шанс, возможно, единственный шанс на другое будущее, (созданное) для другого («Грета») поколения.

Перевод с английского: Наталья Суполкина